

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРМАНИЯ

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

HEINRICH von KLEIST

1777—1811

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. ЗОРГЕНФРЕЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В С Е М И Р Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

**ПЕРЕВОДЫ ФЕДОР СОЛОГУБА
и А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ**

П Е Т Е Р Б У Р Г — М С М Х Х I I I — М О С К В А

КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОННА

ИЛИ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

БОЛЬШОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РЫЦАРСКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

DAS KATHCHEN VON HEILBRONN

ODER

DIE FEUERPROBE

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Император.
Гебгард, архиепископ Вормсский
Фридрих Веттер граф фон Штраль.
Графиня Елена, его мать.
Элеонора, ее племянница.
Рыцарь Фламберг, графский вассал.
Готшалк, его слуга.
Бригитта, домоправительница в графском замке.
Кунигунда фон Турнек.
Розалия, ее горничная.
Теобальд Фридеборн, оружейных дел мастер из Гейльбронна.
Кетхен, его дочь,
Готфрид Фридеборн, ее жених.
Максимилиан, бурграф Фрейбургский.
Георг фон Вальдштедтен, его друг.
Рыцарь Шаурман }
Рыцарь Вацлав его вассалы.
Рейнграф фон Штейн, Кунигундин жених.
Фридрих фон Хернштадт }
Эгингардт фон дер Варт } его друзья.
Граф Отто фон дер Флюэ }
Венцель фон Нахтхейм } императорские советники
Ганс фон Беренклау и судьи тайного суда.
Яков Пех, корчмарь.
Три господина из Турнека.
Кунигундины старые тетки.
Мальчик-угольщик.
Ночной сторож.
Рыцари.
Вестник.
Два угольщика.
Слуги.
Гонцы.
Сыщики.
Народ.

Действие происходит в Швабии

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Подземная пещера со знаками тайного суда; освещена одною лампою

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф Отто фон дер Флюэ, председатель, Венцель фон Нахтхейм, Ганс фон Беренклау, члены суда, графы, рыцари и господа, все в масках. Сыщики с факелами. Теобальд Фридеборн, гейльброннский обыватель, в качестве жалобщика, граф Венерфом Штраль, в качестве ответчика, с то я т перед решёткою.

ГРАФ ОТТО

(вставая).

Мы, судьи высокого тайного суда, мы земные служители бога, передовые крылатой рати, посланой им по облакам, мы, открывающие зло, которое таится в глубинах души, подобно саламандре, недоступное для очей земного правосудия, — мы приглашаем тебя, Теобальд Фридеборн, почтенный и славный оружейных дел мастер из Гейльбронна, принести нам твою жалобу против Фридриха, графа Веттера фон Штраль; ибо, по первому зову священного суда, когда вестник трижды ударил рукоятью меча правосудия в дверь его замка, согласно твоему требованию, он явился и спрашивает, чего ты хочешь.

(Садится).

ТЕОБАЛЬД ФРИДЕБОРН.

Высокие, священные, тайною облеченные господа! Если бы он, на кого я жалуюсь, у меня вооружался, положим, в серебро с головы до ног, или в вороненую сталь, с набедренниками, пряжками и кольцами золотыми, и потом, когда бы я сказал: „Господин, сочтемся!“ ответил бы: „Теобальд! Чего ты хочешь? Я тебе ничего не должен“; или если бы он, представ перед властями, посягнул змеиным языком на мою честь, или, бросившись на меня из тем-

ноты полуночного леса, мечом и кинжалом покушался на мою жизнь, — то, бог мне помоги! я бы на него не жаловался. Я живу на свете пятьдесят три года и так много испытал несправедливости, что от ее жала теперь чувствительность моей души точно панцирем закрыта; куешь, бывало, оружие кой-кому, кого комар укусил, а себе самому и на укус скорпиона скажешь: да ну его! и свое оружие бросишь. Фридрих, граф Веттер фон Штраль, мое дитя обольстил, мою Катерину. Возьмите его вы, земные мстители бога, и передайте его закованным в латы ратям, которые стоят у врат ада и потрясают своими кроваво-красными копьями. Я обвиняю его в мерзком волшебстве, во всех сноровках черной ночи и в побратимстве с сатаной!

ГРАФ ОТТО.

Мастер Теобальд из Гейльбронна! Взвесь хорошенько, что ты говоришь. Ты взводишь на графа фон Штраль, нам доподлинно и с самой хорошей стороны известного, будто он обольстил твое дитя. В колдовстве винишь ты его, надеюсь, не потому, что он отвратил от тебя сердце твоего дитяти? Не потому, что девушку с живым воображением привлек он к себе одним только вопросом, кто она, или даже только единым видом румяных щек, рдеющих под навесом шлема, или какую-нибудь другую сноровкою яснаго полудня, тою, что в ходу на любом базаре?

ТЕОБАЛЬД.

Эта — правда, господа, я не видал ночью порою на болоте или на заросшем камышом взморье, или там, где редко ступит нога человеческая, чтобы он бродил и перемигивался с болотными огоньками. Не доводилось мне видеть, чтобы он на вершинах гор, с волшебным жезлом в руке, измерял невидимое воздушное царство, или чтобы он в подземных пещерах, не освещенных ни одим лучом, вышоптывал сквозь пыль формулы заклинаний. Рядом с ним я не видел сатаны и этих, что я ему побратимами считаю, воинство с рогами, хвостами и копытами, как они нарисованы в Гейльбронне над алтарем. Но если вы позволите мне говорить, то я думаю простым рассказом о том, что случилось, того достигнуть, что вы ошалеете и, крича: „Тринадцать наших, чорт четырнадцатый!“ побежите, с вашими тафтяными мантиями и оперенными шляпами, в двери, в лес, который на триста шагов кругом обстал эту пещеру.

ГРАФ ОТТО.

Ну, говори, старый, яростный жалобщик!

ТЕОБАЛЬД.

Прежде всего надобно вам знать, господа, что моей Кетхен в минувшую святую неделю исполнилось пятнадцать лет; здоровая телом и душою, как первый человек, какой только мог родиться;

дитя, воистину радость господня, возникшая из пустыни на тихий вечерний отдых моей жизни, как прямо восходящий дым мирры и можжевельника! Существа нежнее, чище и милее искусство вам не выдумает, — хоть на крыльях воображения летите к милым, маленьким ангелам со светлыми очами, среди облаков припадающим к рукам и к ногам нашего господа. Пойдет ли она улицей, по-городскому одетая, на голове соломенная шляпа от желтого лака блестит, душегрейка черного бархата охватывает грудь, серебряная цепочка на шее, так изо всех окон слышен шопот: это — Кетхен из Гейльбронна; Кетхен из Гейльбронна, о, господа, как будто она зачата от небосвода Швабии, и от его лобзаний забеременев, родила ее лежащая под ним страна. Родственники, такие дальние, что и родством забывали считаться, на крестинах да на свадьбах звали ее своею милою сестричкою; в ее именины являлся весь околоток, где мы живем, и теснились, и друг перед другом старались лучше одарить ее. Кто ее хоть однажды увидел и получил от нее мимолетный привет, целую неделю потом поминал ее в своих молитвах, словно она сделала его лучшим. Не считая моего добра, она — владелица имения, которое отказал дедушка ей, внучке своей любимой, чтобы выразить ей свою любовь, и потому она уже, независимо от меня, одна из самых богатых обитательниц города. Пять молодых достойных граждан, крепко очарованных прелестями ее, уже сватались к ней; рыцари, проезжая городом, плакались, что она — не барышня; ах, да будь это так, Восток был бы опустошен, и перлы, и драгоценные камни, привезенные из Аравии, лежали бы у ее ног. Но как ее душу, так и мою сохранило небо от гордыни; и когда Готфрид Фридеборн, молодой земледелец, чья земля об одну межу с ее землею, захотел ее в жены, и она на мой вопрос: „Катерина, хочешь за него?“ отвечала: „Отец! Как, ты хочешь, так и я“, то я сказал: „Благослови вас господа!“ и прослезился, и возликовал, и решил, вот придет опять святая неделя, тогда и в церковь. Вот, господа, она была какой до той поры, как ее у меня этот похитил.

ГРАФ ОТТО.

Ну? Как же он ее у тебя похитил? Каким способом он сбил ее с пути, которым ты ее вел?

ТЕОБАЛЬД.

Каким способом? Господа, если бы я мог об этом сказать, то это было бы доступно пяти чувствам, и не стоял бы я так перед вами, и не жаловался бы на все эти мне непостижимые пакости ада. Что мне вымолвить, если вы меня спрашиваете, каким способом? Застал ли он ее у колодца, когда она воду черпала, и молвил: „Милая девица, кто ты?“ За столпом ли встал, когда она от венощной шла, и спросил: „Милая девица, где ты живешь?“ Или

он ночью порою прокрался к ее окну, и, ожерелье на нее надевая, молвил: „Милая девица, где ты почиваешь?" Высоко-освященные господа, этим бы он ее не взял! Не скорее бы и наш спаситель разгадал Иудин поцелуй, чем она такие хитрости. С самого рождения она и в глаза его не видывала; свою спину и на ней родинку, что она от покойницы своей матери получила в наследство, знала она лучше, чем его.

(Плачет).

ГРАФ ОТТО

(после некоторой паузы).

И все же, если он ее соблазнил, странный ты старик, то ведь это случилось когда-нибудь и где-нибудь?

ТЕОБАЛЬД.

Накануне свято-троицина дня, когда он на пять минут вошел в мою мастерскую и заказал мне закрепить ослабевшую железную стяжку доспехов между плечом и грудью.

ВЕНЦЕЛЬ.

Что?

ГАНС.

Средь бела дня?

ВЕНЦЕЛЬ.

Войдя на пять минут в твою мастерскую, чтобы починить нагрудник?

(Пауза)

ГРАФ ОТТО.

Успокойся, старик, и расскажи все по порядку.

ТЕОБАЛЬД

(утирая слезы).

Было часов одиннадцать утра, когда он, с толпою всадников, примчался к моему дому, гремя железным панцырем; спешился, поднялся на лестницу и вошел в мою мастерскую; он низко наклонил голову, чтобы не задеть в дверях султаном на своем шлеме. „Мастер, смотри сюда", сказал он, „я иду против пфальцграфа, который хочет снести ваши стены; от одной охоты с ним сойтись лопнула у меня стяжка; возьми железо и проволоку, да чтобы мне ничего не пришлось снимать, и зятяни на мне покрепче". — „Господин! — сказал я: — если ваша грудь сокрушает доспехи, то не удастся пфальцграфу разрушить наши стены"; прошу его сесть на скамью посреди комнаты, и: „Вина!" кричу в дверь, „да свежeproкопченной ветчины на закуску!" и ставлю около него табурет с инструментами, чтобы чинить стяжку. И вот, пока еще на дворе

ржал боевой жеребец и, вместе с коням слуг, рыл копытами землю, так что вздымалась пыль, словно херувим с неба низвергся:— медленно, неся на голове большой, плоский серебряный поднос, на котором поставлены бутылки, стаканы и закуска, открывает девушка дверь, и входит. Теперь что же, — да если бы мне господь бог из облака явился, так я бы так поступил, как тогда она. Поднос, и кубки, и закуски, увидев рыцаря, она роняет; и, смертельно бледная, сложив руки как на молитву, повергается она перед ним, о пол головой и грудью ударяясь, точно ее молния сразила! И тогда я сказал: „Господи, владыко живота моего, что приключилось ребенку?“ и поднимаю ее, — она крепко обнимает меня, пылающее лицо обращает к нему, словно перед нею видение. Граф фон Штраль, взяв ее за руку, говорит: „Чье это дитя?“ Подмастерья и служанки сбежались и вопят: „Спаси, господи! что случилось с девушкой?“ Но так как она, бросив несколько робких взглядов на его лицо, успокоилась, то я подумал, что припадок ее прошел, и принимаюсь с шилом и с иглою за мою работу. Потом я говорю: „Час добрый, господин рыцарь! Теперь вы можете встретиться с пфальцграфом; стяжка вправлена, ваше сердце уж ее не разорвет“. Граф встает; он задумчиво осматривает с головы до ног девушку, которая ему едва по грудь, и нагибается, и целует ее в лоб, и говорит: „Господь да благословит и да сохранить тебя и да ниспошлет тебе мир свой, аминь!“ И вот, только подошли мы к окну, бросается девушка в одно мгновение ока, когда он садился на боевого жеребца, бросается с высоты тридцати футов, с поднятыми руками, на уличную мостовую, как безумная, утратившая все свои пять чувств! И расшибла обе ноги, о, достопочтенные господа, обе нежные ножки, прямо под коленками, словно точеными из слоновой кости. Мне, старому, жалости достойному дураку, в ней хотевшему найти опору для моей убывающей жизни, пришлось ее на своих плечах нести как в могилу; тем временем он — воздай ему, боже! — на лошади, из-за народа, который сбежался толпами, кричит: „Что случилось!“ Вот, лежит она на смертном ложе, пылая огнем лихорадки, шесть бесконечных недель, недвижима. Не говорит ни слова; даже безумие, эта отмычка всех сердец, ее сердца не выдает; никто не мог бы исторгнуть тайны, которая ею овладела. Едва стало ей лучше, она испытывает свои силы, и завязывает свою котомку, и при первом луче рассвета идет к двери. „Куда?“ — спрашивает ее служанка. „К графу Веттеру фон Штраль“, — отвечает она, и убегает.

Не может быть!

ВЕНЦЕЛЬ.

Убегает?

ГАНС.

И оставляет все?

ВЕНЦЕЛЬ.

ГАНС.

Имущество, родину и жениха, с которым она обручилась?

ВЕНЦЕЛЬ.

И не испросив твоего благословения?

ТЕОБАЛЬД.

Убегает, о господи! Оставляет меня и все, с чем ее связывали долг, привычка и природа. Целует меня в глаза, — я еще не успел проснуться, — и убегает; а я ждал, что она мне их закроет.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ей богу, удивительный случай!

ТЕОБАЛЬД.

С того дня она за ним, как распутница, в слепой покорности, идет с места на место; к сиянию лица его тянет ее словно пяти-проволочным канатом, захлеснувшим ее душу; над нагими, каждому камню открытыми, стопами короткая юбочка, что ее бедра кроет, по ветру развеивается, и только соломенная шляпа защищает ее от солнечных жал или от злости возмущенной погоды. Куда бы ни увлекал его бег его приключений — через туман ущелий, через пустыню, палимую полднем, через ночь непроходимых лесов — она за ним как пес, над которым много бился его господин; и она, привыкшая спать на мягких подушках, чувшая узелок на нити в простыне, ее рукою нечаянно туда затканый, теперь ложится она ровно батрачка в его конюшнях и опускается, когда приходит ночь, утомленная, на солому, подостланную для его гордых коней.

ГРАФ ОТТО.

Граф Веттер фом Штраль! Это верно?

ГРАФФОН ШТРАЛЬ.

Это правда, государи мои; она идет по моим следам. Когда я оглядываюсь, я вижу два предмета: мою тень и ее.

ГРАФ ОТТО.

А как объясняете вы себе этот удивительный случай?

ГРАФФОН ШТРАЛЬ.

О, неведомые господа тайного судилища! Если чорт затеял с нею игру, то я ему в этом так же нужен, как обезьяне кошачьи лапы; будь я проклят, если он орешек для меня стащил. Хотите поверить просто моему слову, как и в священном писании начертано: да, — да, нет, — нет, — хорошо! Если нет, так я отправлюсь в Вормс и буду просить императора, чтобы он возвел Теобальда в рыцари. А пока я здесь, бросаю ему мою перчатку.

ГРАФ ОТТО.

Вы должны здесь отвечать на наши вопросы! Чем объясняете вы, что она спит под вашей кровлею? Она, которая должна быть в доме, где рождена и воспитана?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Недель двенадцать тому назад, по дороге в Страсбург, усталый, в полдневный зной, я заснул под крутым утесом, — и во сне-то я не вспоминал про девушку, что в Гейльбронне выбросилась из окна, — а когда проснулся, она дремлет у меня в ногах, подобная розе, будто ее сдуло с неба. Тогда я говорю слугам, которые лежали тут на траве: „Эй, что за чорт! Ведь это же — Кетхен из Гейльбронна!" Она открыла глаза и повязала себе шляпку, что у нее во время сна скатилась с головы. „Катерина!" зову я: „Девица! Да ты откуда? В пятнадцати милях от Гейльбронна, далеко на побережьи Рейна!" — „Дело, доблестный господин, зовет меня в Страсбург", — отвечает она, — „страшно мне так одной итти по лесу, и я пристала к вам". Потом я велел подать ей освежиться чего-нибудь, что для мена Готшалк, слуга, возит с собою, и осведомляюсь: совсем ли поправилась, и что делает отец? И что она в Страсбурге думает делать? Но когда она не говорит чистосердечно правды, — ну, что тебе за дело, — думаю я, даю ей слугу, чтобы проводил ее через лес, вскакиваю на вороного, и уезжаю. Вечером, в гостинице, у страсбургской дороги, хочу укладываться на покой, вдруг приходит Готшалк, слуга, и говорит: „Девушка внизу, и добивается переночевать в моей конюшне". — „К лошадям?" — спрашиваю я. Я говорю: „Если это ей достаточно мягко, меня это не стеснит". И прибавляю, поворачиваясь на постели: „Да подложи ей соломы, Готшалк, и позаботься, чтобы с нею ничего не случилось". На другой день, поднявшись раньше меня, она опять выходит на военную дорогу, и опять ложится в моей конюшне, и ложится ночь за ночью, везде в моем походе идет вперед, точно она принадлежит к моему отряду. Я это снес, государи мои, ради этого седого, угрюмого старика, который требует теперь моего осуждения; ведь Готшалку, такой уж он странный, полюбилась девушка, и он заботился о ней, истинно, как о своей дочери; когда-нибудь пойдет твой путь, думал я, через Гейльбронн, так старик тебя за это отблагодарит. Но когда она и в Страсбурге, в архиепископском замке, оказалась со мною, и я к тому же приметил, что у нее там нет никакого дела, — она совсем обреклась мне, шила и мыла, как-будто никого другого на Рейне для того не было, — так я и подошел к ней однажды, заставши ее на пороге конюшни, чтобы спросить, какое такое дело привело ее в Страсбург. „Вот", — говорит она, — „добрый господин", — и такой румянец, что я подумал, ее передник займется, вспыхнул на ее лице: „Что же вы спрашиваете? Вы же это знаете!" „Эге!" — думаю я, — „так вот оно

что!" И мигом посылаю гонца в Гейльбронн, к отцу, с такою вестью: Кетхен у меня; я ее поберегу; пусть он ее скорее возьмет из замка Штраль, куда я ее отвезу.

ГРАФ ОТТО.

Ну? И что ж?

ВЕНЦЕЛЬ.

Старик не взял девушку?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Затем, когда он является ко мне на двадцатый день, чтобы взять ее, я веду его в зал моих предков: замечаю я с удивлением, что он, входя в дверь, опускает руку в кропильницу и водой из нее брызгает на меня. Я не сержусь, — таков уж я по природе, — сажаю его на стул; рассказываю ему откровенно все, что было; из сочувствия к нему объясняю ему, какими способами он мог бы поправить дело, сообразно его желаниям; и утешаю его, и веду его, чтобы передать ему девушку, вниз в конюшню, где она стоит и мое оружие очищает от ржавчины. Как только он стал в дверях и со слезами на глазах протянул руки, чтобы ее обнять, бросается ко мне девушка, смертельно бледная, в ноги, всех святых призывая, чтобы я ее от него защитил. Как соляной столб стоит он, видя это; и прежде чем я опомнился, он говорит, с ужасом глядя на меня: „Это — воплощенный сатана!" — и швыряет мне в лицо шляпу, которую он держал в руках, словно он хотел отогнать ужасное видение, и бежит обратно в Гейльбронн, точно гонится за ним весь ад.

ГРАФ ОТТО.

Ты, чудной старик! Что тебе взбрело в голову?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что худого в поведении рыцаря? Что же ему было делать, когда к нему прилепилось сердце твоей безумной дочери?

ГАНС.

В чем тут можно его обвинить?

ТЕОБАЛЬД.

В чем обвинить? О, ты, человек более ужасный, чем выразит слово и поймет мысль, — не тебе ли открылись херувимы, и блеск их, сияющий как майский свет, не тебе ли запал в душу? Могу ли я не дрожать перед человеком, который до того извратил природу чистейшего из созданных сердец, что девушка от отца, который пришел раскрыть ей объятия своей любви, отвращает бледное как мел лицо словно от волка, который хочет ее растерзать? Ну, так господствуй Геката, царица чародейств, над болотными туманами властвующая ночью! Восходите вы, демонические силы,

которые прежде закон человеческий старался искоренять, расцветайте под дыхание колдуний, подымайте свои колосья в лесах, чтобы вершины засохли, и небесные поросли, проросшие в почве, сгнили; струитесь, адовы соки, стекайте из стволов и стеблей, падайте, как водометы, на землю, чтобы выбитый вами чумный чад восходил к облакам; теките и вливайтесь во все протоки жизни и смойте широким потоком накипи невинность и добродетель!

ГРАФ ОТТО.

Он подлил ей яду?

ВЕНЦЕЛЬ.

Ты думаешь, он дал ей околдованный напиток?

ГАНС.

Опиум, который таинственной силою пленяет сердце человека, который его выпьет?

ТЕОБАЛЬД.

Яд? Опиум? Высокие господа, о чем вы меня спрашиваете? Я не откупоривал флягу, из которой он дал ей освежиться под крутым утесом; я не был там, когда она спала в гостинице, в его конюшне ночь за ночью. Как мне знать, подлил ли он ей яду! Надо подождать девять месяцев; тогда вы увидите, что станется с ее молодым телом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вот-то старый осел! И против него у меня ничего нет, кроме моего имени! Зовите ее сюда; и если она скажет одно слово, от которого хоть чуть пахнет этим вымыслом, так зовите меня графом из вонючей лужи, или еще как вздумается вашему праведному гневу.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же и Кетхен с завязанными глазами, ведомая двумя сыщиками.

Сыщики снимают с нее платок и уходят.

КЕТХЕН

(оглядывает собравшихся и склоняет, увидя графа, перед ним колени).

Высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чего ты хочешь?

КЕТХЕН.

К тебе на суд меня сюда призвали.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Судья — другой. Вон там сидит он. Встань.

Стою здесь я, ответчик, как и ты.

КЕТХЕН.

Мой господин! Ты шутишь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет! Послушай!

Что предо мной лицо во прах ты клонишь?
Волшебник я, и уж сознался в этом,
И ныне узы, сотканные мною,
Снимаю я с твоей души.

(Поднимает ее).

ГРАФ ОТТО.

Сюда прошу, девица; стань к решетке!

ГАНС.

Здесь судьи!

КЕТХЕН.

Испытать меня хотите.

ВЕНЦЕЛЬ.

Иди сюда! И здесь держи ответ.

Кетхен становится рядом с графом фон Ш т р а л ь и смотрит на судей)

ГРАФ ОТТО.

Ну?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что ж?

ГАНС.

Тебе угодно потрудиться?

ГРАФ ОТТО.

Последуешь судейскому приказу?

КЕТХЕН

(про себя).

Они зовут.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ну, вот!

ГАНС.

Что ты сказала?

ГРАФ ОТТО

(с удивлением).

Что случилось с этим странным существом?

(Он и переглядываются)

КЕТХЕН

(про себя).

Закутаны все с ног до головы,

Как-будто это страшный суд!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(пробуждая ее).

О чем мечтаешь, странная девица?
Приведена ты к тайному суду!
Я обвиняюсь в этих волхвованьях,
Которыми твое пленил я сердце,
Скажи же им, как это все случилось!

КЕТХЕН

(смотрит на него и складывает руки на груди).
Со мной жесток ты, я могу заплакать!
Мой благородный господин, скажи мне,
Твоей служанке, что должна я делать!

ГРАФ ОТТО

(нетерпеливо).

Скажи?

ГАНС.

Ей богу! Слыхано ли это?

ГРАФФОМШТРАЛЬ

(громким голосом).

Иди немедленно вот к той решетке,
И там на все, что спросят, отвечай!

КЕТХЕН.

Скажи, ты обвиняемый?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ты слышишь!

КЕТХЕН.

Тебя судить вот эти будут люди?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да.

КЕТХЕН

(подходя к решетке).

О, господа достойные, сойдите
С своих высоких мест, пусть он там сядет!
Вот говорю я вам, как перед богом,
В нем сердце чище этих лат, а ваши
Пред ним, да и мое, плащей чернее.
Коль грех тут есть, так он — судья, а вы
Должны стоять, дрожа, перед решеткой!

ГРАФ ОТТО.

Ты, дурочка, совсем еще ребенок;
Пророчество пришло к тебе откуда?
Открыл его тебе какой апостол?

ТЕОБАЛЬД.

Несчастливая!

КЕТХЕН

(заметив отца, и идет к нему).

Мой дорогой отец!

(Хочет взять его руку).

ТЕОБАЛЬД

(строго).

Вон там теперь должна ты находиться.

КЕТХЕН.

Не отвергай меня!

(Берет его руку и целует).

ТЕОБАЛЬД.

Взгляни на эти кудри,

Моих седин не ты ли была виною?

КЕТХЕН.

Дня не прошло, чтоб я не вспоминала

Как вьются кудри у тебя. Терпенье!

Не предавайся непомерной скорби:

Ведь если радость кудри может потемнеть,

Ты станешь вновь как юноша цветущий.

ГРАФ ОТТО.

Эй, слуги, взять ее! Сюда поставить!

ТЕОБАЛЬД.

Иди, куда зовут.

КЕТХЕН

(к судьям, когда сыщики приблизились к ней).

Что надо вам?

ВЕНЦЕЛЬ.

Видали ли вы строптивую такую?

ГРАФ ОТТО

(когда она стала у решетки).

Здесь отвечай нам, коротко и ясно,

На все, что спросим, так как совесть наша

Уполномачивает нас судить;

Твоя надменная душа почует это,

Когда ты наказания заслужишь.

КЕТХЕН.

Что знать вам нужно, господа честные?

ГРАФ ОТТО

Увидя графа Фридриха фом Штраля
 В дому отца, зачем к, его ногам
 Поверглась ты, как падают пред богом?
 И почему, когда он уезжал,
 Ты из окна на улицу метнулась,
 Чуть ноги зажили, пошла за ним
 Сквозь ночь, и ужас, и туман, повсюду,
 Куда бы конь его своих копыт не ставил?

КЕТХЕН

(зардевшись, графу).

Тем людям я должна сказать все это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Безумная, заклятая ты дура,
 Меня что спрашиваешь? Видно, мало
 Тебе приказа этих вот людей?

КЕТХЕН

(повергаясь во прах).

Из тела душу вынь, коль я ошиблась!
 Что в тишине груди моей возникло,
 Что бог послал, то людям знать не надо;
 Жестоким назову, кто это спросит!
 А ты захочешь знать, ну что ж, скажу, —
 Перед тобой душа моя открыта.

ГАНС.

Как свет стоит, такого не случилось!

ВЕНЦЕЛЬ.

В пыли пред ним лежит...

ГАНС.

Склонив колени.

ВЕНЦЕЛЬ.

Как мы перед спасителем стоим!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(судьям).

Надеюсь, мне в вину ее безумство
 Вы не поставите! Она рехнулась,
 Ведь это ясно, хоть бы разум ваш,
 Равно как мой, и не постиг причины.
 Позвольте, я спрошу ее об этом:
 Поймете сами из моих расспросов,
 Душа моя виновна или нет.

ГРАФ ОТТО

(пытливо глядя на него).

Ну что же! Спрашивайте, граф, посмотрим.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(обращаясь к Кетхен, все еще стоящей на коленях).

Ты можешь, Катерина, мне открыть,

Пойми меня, все тайные мечтанья,

Что в глубине души твоей дремали?

КЕТХЕН.

Все сердце, господин, перед тобою.

Уверен будь во всем, что там живет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скажи мне коротко и ясно, что же

Тебя влекло покинуть отчий дом?

И чем тебя мои пути пленили?

КЕТХЕН.

Мой славный господин! Ты требуешь так много.

И если б я простерлась так, как ныне

Перед тобой, перед моим сознанием,

Воссевшим на златом судейском троне,

И если б в огненных доспехах страхи

Нечистой совести стояли рядом,

То все ж на то, что спрашиваешь ты,

Мысль каждая ответила б: не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Меня ли, девушка, обманешь ты?

Меня, тебе опутавшего разум?

Взгляну ли я, ты клонишься, как роза,

Свой нежный цвет открывая для солнца.

Однажды, помнишь, что с тобой я сделал?

С твоей душой и с телом что случилось?

КЕТХЕН.

А. где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да где-нибудь.

КЕТХЕН.

Когда ?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Когда-то.

КЕТХЕН.

О, господин мой, помоги!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Помочь,

Чудная ты!

(Сдерживается).

Так ничего не помнишь?

(Кетхен стоит потупившись).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Из всех тех мест, где ты меня встречала,
Ясней которое запало в память?

КЕТХЕН.

Всего яснее Рейн я вспоминаю.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да. Там было. Это знать хотел я.
Скала над рейнским берегом, где вместе
С тобой в полдневный зной мы отдыхали.
Не помнишь ты, что там с тобой случилось?

КЕТХЕН.

О нет, мой чтимый господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Нет?

Что к жаждущим устам твоим поднес я?

КЕТХЕН.

От твоего вина я отказалась,
И твой слуга Готшалк принес мне воду.
По твоему приказу, из пещеры.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но за руку тебя я взял? К устам
Твоим приблизил я? Молчишь ты? Что же?

КЕТХЕН.

Когда?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Тогда же.

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, позже.

КЕТХЕН.

В Страсбурге?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Быть может, раньше.

КЕТХЕН.

Моей руки ни разу ты не тронул.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН

(краснея).

Ах, прости меня. В Гейльбронне.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Когда?

КЕТХЕН.

Когда отец чинил твой шлем.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И только?

КЕТХЕН.

Только, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН.

Руки?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Иль уст твоих, — почем я знаю?

КЕТХЕН

(припоминая).

За подбородок, — в Страсбурге, — я помню.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну?

КЕТХЕН.

Я сидела плача на пороге

И, что ни говорил ты, все молчала.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А почему молчала?

КЕТХЕН.

Стало стыдно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стыдилась? Верно. Ты на мой вопрос

До самой шеи покраснела ярко.

О чем тебя я спрашивал?

КЕТХЕН.

Отец,

Сказал ты, дома, в Швабии, остался,

Тоскуя обо мне, и ты сказал,

Что лошадей в Гейльбронн ты посылаешь,

Так не хочу ли с ними я вернуться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(холодно).

Об этом говорить не стоит! Где же,
Еще-то где ж тебя встречал я в жизни?
Я навещал тебя порой в конюшне.

КЕТХЕН.

Нет, чтимый господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Катрина!

КЕТХЕН.

Меня в конюшне ты не навещал,
И уж ко мне ни разу не касался.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что? Никогда?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН

(страстно).

Ни разу, чтимый господин, ни разу!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну что, видали вы такую лгунью?

КЕТХЕН.

Да не увижу рая, да погибну,
Когда хоть раз!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(с притворною резкостью).

Божится вот, клянется,
Девчонка глупая, — воображает,
Что бог простит ее румяным щечкам.
А вечером, пять дней тому назад,
В моей конюшне, в сумерках, что было,
Когда уйти Готшальку приказал я?

КЕТХЕН.

О, Иисус! Об этом я забыла!
Ты в замке Штраль пришел ко мне в конюшню.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну вот! Пришлось признаться! Как же ты
До вечного проклятья дожила!
Я в замке Штраль к тебе пришел в конюшню.
(Кетхен плачет. Пауза).

ГРАФ ОТТО.

Вы мучите ребенка.

ТЕОБАЛЬД

(растроганный, приближается к ней).

Дочь моя!

(Хочет привлечь ее к себе на грудь).

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ВЕНЦЕЛЬ.

По-моему, бесчеловечно.

ГРАФ ОТТО.

Да ничего в конюшне не случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(глядя на нее).

Ей-богу, господа, поверьте чести:
Там я был! Прикажите, разойдемся.

ГРАФ ОТТО.

По-моему, допрашивать ребенка
Нельзя с такою варварской насмешкой.
Пусть вам дала такую власть природа, —
Но то, что делаете вы, ужасней,
Чем было б даже адское искусство.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Что сделал я, то сделал лишь затем,
Чтобы ее достойно возвеличить.
Перед судом

(показывая на пол)

лежит моя перчатка!

Поверьте, господа, она невинна,
И разрешите ей уйти отсюда.

ВЕНЦЕЛЬ.

Не без причины так вы пожелали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Причины? Я? Надеюсь, не хотите
Вы варварски над нею посмеяться.

ВЕНЦЕЛЬ

(наставительно).

Когда позволите, хотим мы слышать,
Что там в конюшне, в замке Штраль случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Хотите вы?..

ВЕНЦЕЛЬ.

Конечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(багрово краснея и поворачиваясь к Кетхен).

На колени!

(Кетхен становится перед ним на колени).

ГРАФ ОТТО.

Вы слишком дерзки, Фридрих граф фон Штраль!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Мне отвечай, и больше никому.

ГАНС.

Позвольте! Будем мы ее...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(ей же).

Ни с места!

Здесь только тот судья тебе, кому

Твоя душа свободно покорилась.

ВЕНЦЕЛЬ.

Найдут здесь способ, граф...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(со сдержанным раздражением).

Нет, говорю вам!

Ее неволите вы, чорт возьми!

Достопочтенные, что знать вам нужно?

ГАНС

(вспыльчиво).

Клянусь!

ВЕНЦЕЛЬ.

Такую дерзость нам...

ГАНС.

Эй! Сыщик!

ГРАФ ОТТО

(в полголоса)

Друзья, оставьте! Не забудьте, кто он.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Как-будто он, браня ее притворно,
Сказать заставит.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Думаю, что так!
Ему мы можем дело предоставить.

ГРАФ ОТТО

(графу фон Штраль).

Спросите, что пять дней назад случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И вы уйти Готшалку приказали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Пять дней назад, что вечером случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И я уйти Готшалку приказал?

КЕТХЕН.

Мой господин! Прости, в чем я ошиблась;
Теперь во всем признаюсь по порядку.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так. — Я тебя коснулся там, не правда ль?
Призналась?

КЕТХЕН.

Да, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И что же?

КЕТХЕН.

Господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что знать хочу?

КЕТХЕН.

Что хочешь знать?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скорей, не запинаясь!

Я взял, ласкал и целовал тебя,
И обнял?

КЕТХЕН.

Нет, высокий господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А что же?

КЕТХЕН.

Оттолкнул меня ногою.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ногою? Нет. Так пса не оттолкну я.
Зачем? За что? Что сделала ты мне?

КЕТХЕН.

Когда отец, заботливый и добрый,
Приехал с лошадьми, чтоб взять меня,
К нему спиной я в страхе обернулась
И пред тобой, моля, чтоб защитил ты
Меня, упала в прах я без сознания.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А я тогда толкнул тебя ногою?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вот глупости, ей-ей!
Притворством для отца все это было.
Ведь ты ж осталась в замке Штраль и дальше.

КЕТХЕН.

Нет, господин высокий.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Так где же?

КЕТХЕН.

Когда с лицом горящим ты с гвоздя
Снял кнут, за обомшалые ворота
Я вышла и расположилась там
Снаружи, на развалинах стены,
Где в сладостно-пахучей бузине
Свивал, насвистывая, чиж гнездо.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но я тебя оттуда выгнал псами?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Когда же ты бежала
Под лай собачий за мои границы,
Я кликнул и соседа — гнать тебя?

КЕТХЕН.

Нет, господин. Зачем сказал ты это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Нет? За это господа осудят.

КЕТХЕН.

До этих рыцарей тебе нет дела.
Послал Готшалка ты на третий день
Сказать, что милая твоя я Кетхен,
Но чтоб была разумной и ушла.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А ты что отвечала?

КЕТХЕН.

Я сказала,
Что терпишь ты чижа - щебетуна
На сладостно-пахучей бузине;
Позволь быть здесь и Кетхен из Гейльбронна.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Вы видите ее здесь, судьи фемы, —
Так поступайте с нами как хотите.
(Пауза).

ГРАФ ОТТО

(с неудовольствием).

Мечтатель сумасбродный, незнакомый
С обычным чарованием природы!
Когда решение ваше, судьи, ясно,
Кончаю, и прошу голосовать.

ВЕНЦЕЛЬ.

Кончать!

ГАНС.

На голоса!

ВСЕ:

Сбирать!

РЫЦАРЬ.

Вот глупый!

Ведь ясно дело. Нечего судить.

ГРАФ ОТТО.

Герольд, возьми свой шлем, собирай шары.
(Герольд ф е м ы собирает шары и подает ш л е м с н и м и графу).

ГРАФ ОТТО

(пересчитав шары).

Ты, Фридрих Веттер, граф фон Штраль, оправдан
Единогласно приговором фемы.
Тебе советую я, Теобальд,
Впредь с жалобой не ранее являться,
Пока улик получше не найдешь.

(К судьям).

Идемте же. Закрыто заседание.

(Судьи поднимаются).

ТЕОБАЛЬД.

Высокородные, так он оправдан?
Бог, скажем, создал мир из ничего;
А он, ничем создание уничтожив
И в первый хаос обвалив его,
Не должен ли быть гнусным сатаню?

ГРАФ ОТТО.

Молчи, седой глупец! Не наше дело —
Твоих мечтаний смуту прояснять.
Закрой ему глаза повязкой, сыщик,
И в поле выведи его опять.

ТЕОБАЛЬД.

Что? В поле? Я, беспомощный старик?
А милый мой, единственный ребенок?

ГРАФ ОТТО.

Вам это поручает фема, граф!
Не мало здесь вы дали нам примеров
Могущества; так покажите нам,
Пока мы с вами не расстались, большой,
И старику отцу ее верните.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Все, господа, я сделаю, что можно.
Дитя!

КЕТХЕН.

О, рыцарь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Любишь ты?

КЕТХЕН.

Сердечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Обрадуй же меня.

КЕТХЕН.

Чего ты хочешь?

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.

За мною не иди! Вернись в Гейльбронн!
Так сделаешь?

КЕТХЕН.

Тебе я обещала.
(Падает в обморок).

ТЕОБАЛЬД

(поддерживая ее).
Дитя мое! Спаси, отец небесный!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).
Подай повязку, сыщик!
(Повязывает себе глаза).

ТЕОБАЛЬД.

Будь ты проклят,
Дух василиска смертоокий! Много ль
Еще искусства мне примеров явишь?

ГРАФ ОТТО

(сходя с судейского кресла).
Ну, что тут, господа?

ВЕНЦЕЛЬ.

Она упала.
(Все смотрят на нее).

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сыщику).
Веди отсюда!

ТЕОБАЛЬД.

В бездну, сатана!
Пускай ее змеиновласый стражник,
Тебя в преддверии схватив, кудесник,
На десять тысяч сажен глубже бросит,
Стремглав, чем злейшие огни пылают!

ГРАФ ОТТО.

Молчи, старик!

ТЕОБАЛЬД
(плача).
Малютка! Кетхен!

КЕТХЕН.

Ах!

ВЕНЦЕЛЬ
(радостно).

Она глаза открыла.

ГАНС.

Да, очнется.

ГРАФ ОТТО.

К привратнику несите! Прочь отсюда!
(Все уходят).

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лес перед пещерою тайного судилища

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Г р а ф фон Ш т р а л ь входит с завязанными глазами; его ведут два слугителя; о н и с н и м а ю т с его глаз повязку и затем удаляются в пещеру.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(бросается на з е м л ю и плачет).

Теперь мне только одно остается — лежать здесь подобно пастуху и жаловаться. Солнце еще светит, краснея между стволами, и вершины леса покойны; и если я всего через четверть часа, как только оно скроется за холмами, сяду на коня и потом немного помедлю в Блахфельде, где и пролегает мой путь, то в замок Веттерштраль я приеду раньше, чем там погасят свечи. Конь мой там, где ручей струится, и мечтается мне, что там козы и овцы карабкаются по скалам и щиплют травку да горький кустарник; легкая, белая полотняная ткань, повязанная красными лентами, облекает меня, и, налетая, рои бодрых ветерков отнесут вздохи, льющиеся из моей жестоко стесненной груди, прямо в уши доброго бога. Истинная правда! Перелистаю родную мне повесть и целую богатую главу в ней, с надписанием: „Чувство” так ограблю, чтобы никакой стихоплет уже не мог на новый лад сказать: мне грустно. Все, что в печали есть трогательного, вызову я, радость и к смерти ведущая скорбь сплетутся, заменяя одна другую, и проведут мой голос, как искусного танцора, через все извороты, которыми душа очарована; и если деревья не сдвинутся, и не упадет как дождь сладкая их роса, так значит они воистину деревянные, и все, что нам сказали о них поэты, просто милые сказки. — О, ты, как назвать тебя, Кетхен! Почему я не могу назвать тебя моею? Кетхен, девушка, Кетхен! Почему я не могу на-

звать тебя моею? Почему я не могу поднять тебя и отнести на благоуханное блаженное ложе, которое соорудила мне мать в праздничном покое у нас дома? Кетхен, Кетхен, Кетхен! ты, чья юная душа, как она сегодня совершенно открытая, мне предстала, источает сладостное очарование красоты, как елеем умащенная невеста персидского царя, когда она, на все ковры роняя капли ароматов, вводится в свою горницу! Кетхен, девушка, Кетхен! Почему не дано мне это? Ты — более прекрасная, чем сумел бы я тебя воспеть, и осталось мне изобрести единственное искусство — о тебе плакать. Все фиалы чувства, небесные и земные, открою я, и такое смешение слез, своеобразное излияние, столь же священное, как и страстное, извергну, чтобы сказал всякий, в чьих объятиях я заплачу: они струятся к Кетхен из Гейльбронна. — Кетхен, Кетхен, Кетхен! что ты сделала с моим сердцем, ты, маленькая фиалка, расцветшая у мшистой скалы, в тени дикой ежевики? Разве не казалось мне тогда, когда она открылась мне в своей очаровательной невинности, что я взлетаю, как орел, в царство бесконечного воздушного простора, все ликуя, вечно ликуя: я любим?! — Вы, седые бородатые старцы, чего вам надо? Зачем вы покидаете ваши золотые рамы, о, портреты моих закованных в латы праотцев, населяющие мои увешанные оружием залы, и собираетесь здесь предо мною беспокойным кругом, почтенными потрясая кудрями? Она и я — мы еще не стоим рука об руку перед священником, и на вопрос: желаешь ли ты ее себе в жены? — уста Фридриха Штраля еще не шепчут в ответ трепетное „да“. Нет, нет, нет! Женщины, столь мною любимой, я не добиваюсь; ваших гордых рядов я не покину: это было решенным делом прежде, чем вы стали передо мною. Но, Винфрид, ты, стоящий во главе их, ты, первый из носивших наше имя, божественный, с головою как у Зевса, тебя спрошу я: была ли праматерь нашего рода такая, как эта? Была ли она светлее всеми добродетелями благочестия, непорочнее душою и телом, богаче очарованиями любви, чем Кетхен? О, Винфрид, седовласый старец! — я целую твои руки и благодарю тебя за то, чем я стал; но если бы ее ты прижал к своей стальной груди, царский род от тебя пошел бы, и всякий закон на земле давался бы именем Веттер фон Штраль! Я знаю, что превозмогу себя и что рана эта заживет; ведь нет такой раны, которой бы не залечил человек! Чижы улетят, щебетуны, из кустов бузины улетишь и ты, Кетхен, и так же, как и они, никогда не вернешься! Однако, если я когда-нибудь найду женщину, подобную тебе, Кетхен, то пройду все страны и всем языкам научусь, чтобы на всех наречиях, какие только существуют, прославить бога. — Готшалк!

(Слуга Готшалк подходит слева)

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Готшальк.

ГОТШАЛЬК

(подходя).

Эй, эй! Господин граф фон Штраль!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что такое?

ГОТШАЛЬК.

Чорт возьми, что! — Прибыл гонец от вашей матери.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Гонец?

ГОТШАЛЬК.

Во весь опор, запыхавшись, отдав коню удила. Ей-ей, если бы ваш замок был железным луком, а он стрелою, быстрее не мог бы он лететь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что он хочет мне сказать?

ГОТШАЛЬК.

Эй! Рыцарь Франц!

(Рыцарь Фламберг приближается слева).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фламберг! Что привело тебя сюда ко мне так спешно?

ФЛАММБЕРГ.

Милостивый господин! Повеление графини, вашей матери: она приказала мне взять лучшего скакуна и ехать к вам.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что же? Что привез ты мне?

ФЛАММБЕРГ.

Войну, клянусь, войну! Вызов к новой борьбе, еще не успевший остынуть, как его теплым получил из уст герольда.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(озабоченный).

Чей вызов? Не от бургграфа же, с которым я только-что заключил мир?

(Надевает шлем).

ФЛАММБЕРГ.

От рейнграфа, юнкера фом Штейн, пребывающего внизу, на цветущих виноградниками берегах Неккара.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Рейнграфа? Но какие у меня дела с рейнграфом, Фламберг?

ФЛАММБЕРГ.

А какие, чорт возьми мою душу, были у вас дела с бургграфом? И чего надо было от вас иным прочим, прежде чем вы ввязались в историю с бургграфом? Если вы не затопчете маленькой искорки греческого огня, ради которого и происходят эти войны, то вы еще увидите, как загорится против вас все горное население Швабии, да вдобавок и Альпы с их собачьими сворами.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Это невозможно! Фрейлейн Кунигунда...

ФЛАММБЕРГ.

Рейнграф от имени Кунигунды фон Турнек требует возвращения вашего владения Штауфен; те три городка и семнадцать деревень вашему предку Отто, Петром, ее предком, с известными оговорками, покупкою уступленные; так же, как это бургграф фон Фрейбург, и раньше того уже ее родственники от ее имени делали.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(встает).

Сумасбродная ведьма! Не третий ли это имперский рыцарь, которого она, подобно псу, науськивает на меня, чтобы отбить это владение? Кажется, вся империя слушается ее. Клеопатра нашла одного, а когда он сломал себе шею, другие только посматривали; а этой служит всяк, у кого одним ребром меньше, чем у нее, и вместо одного, которого я пошлю к ней обратно потрепанным, передо мною стоят десять других. Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Кто? Герольд?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Эх, ваша милость, ему бы надо было тогда покраснеть.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Он не говорил о Петре фон Турнек? И о местности оспариваемой продажи?

ФЛАММБЕРГ.

Конечно. И о швабских законах; примешивал в речи долг и совесть к каждому третьему слову, призывал бога в свидетели, что только самые чистые намерения побудили его господина, рейн-графа, взяться за дело госпожи фон Турнек.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А розовые щеки дамы оставляет он про себя?

ФЛАММБЕРГ.

Об этом он ни слова не сказал.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чтоб ее оспа разделала! Хотел бы я набрать ночной росы в бочку и ею окатить ее белую шею! Ее проклятое личико — вот настоящая причина всей этой войны против меня; и пока я не отравлю мартовского снега, которым она умывается, не будет мне покоя от здешних рыцарей. — Но терпение! — Где она сейчас находится?

ФЛАММБЕРГ.

В замке Штейн, где вот уже три дня дают в честь ее такие пиры, что твердыня неба вот-вот рухнет, и солнце, луна и звезды больше не будут видны. Бургграф, которому она дала отставку, кипит мезью, и я не сомневаюсь, что если вы пошлете к нему гонца, то он вместе с вами отправится в поход против рейнграфа.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ладно! Приведи мне лошадей, я поеду. Я обещал этой юной подстрекательнице, что если она не сложит поднятое против меня оружие, — не склонит свое лукавое личико, — то я насыплю ей таких игрушек, которые ей вечно придется носить в футляре; и отсохни у меня правая рука, если я не сдержу слова! За мною, друзья!

(Все уходят налево, в глубь сцены).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Перемена сцены. В горах, переди збою угольщиков. Ночь, дождь, громимолния.

Входят бургграф Фрейбургский и Георг фон Вальдштеттен.

Позже рыцари.

ФРЕЙБУРГ

(кричит, оборачиваясь назад).

Снимите ее с лошади.

(Молния и удар грома).

Славно, разрази что хочешь, — только бы не набеленную мелом голову моей дражайшей невесты, Кунигунды фон Турнек.

ГОЛОС
(за сценой).

Эй, где вы?

ФРЕЙБУРГ.

Здесь!

ГЕОРГ.

Пережили вы хоть раз в жизни такую ночь?

ФРЕЙБУРГ.

Льет с неба, затопляя вершины деревьев и скалы, словно второй потоп разразился! — Снимите ее с лошади!

ГОЛОС
(за сценой).

Она не шевелится.

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Лежит, как мертвая, у ног коня.

ФРЕЙБУРГ.

Э, выдумки! Она делает это, только чтобы не потерять своих фальшивых зубов. Скажите ей, что я — бургграф Фрейбургский и сосчитал, сколько у нее во рту настоящих. — Так! Ташите ее сюда!

(Рыцарь Шаурман появляется, неся на плече фрейлейн фон Турнек).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Шаурман с девицею фон Турнек, рыцарь Вецлаф и всадники бургграфа. Два угольщика.

ГЕОРГ.

Вон там изба угольщика.

ФРЕЙБУРГ
(стучится в дверь).

Эй, эй!

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Кто стучится?

ФРЕЙБУРГ.

Без разговоров, бездельник, отворяй.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Ого! Да уж не раньше, чем ключ поверну. Не сам же император стоит под дверью?

ФРЕЙБУРГ.

Негодяй! Хоть и не император, так тот, чья здесь власть и кто обломает себе скипетр с ближайшего сука, чтобы доказать тебе это.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК

(выходит с зажженным фонарем в руках).

Кто вы такие? Чего вам надо?

ФРЕЙБУРГ.

Я — рыцарь; а эта дама, которая сюда привезена смертельно больною, это...

ШАУЕРМАН

(сзади).

Прочь свет!

ВЕЦЛАФ.

Выбей фонарь у него из рук!

ФРЕЙБУРГ

(пока тот отнимает фонарь).

Плут! Будешь ты тут светить?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Господа, надеюсь, что из всех вас я здесь набольший! За-чем вы отнимаете у меня фонарь?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Кто вы такие, и чего вам надо?

ФРЕЙВУРГ.

Рыцари, грубиян ты этакый, сказал уж я тебе!

ГЕОРГ.

Добрые люди, мы — странствующие рыцари, застигнутые непогодой.

ФРЕЙВУРГ

(перебивает).

Воины, идем из Иерусалима, держим путь к себе на родину; а та дама, которую несут, с головы до ног закутанною в плащ, она...

(Удар грома).

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Эге, рычит так, что облака трясутся! — Из Иерусалима, говорите вы?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Из-за этого широкорого грома ни одного слова не слышишь.

ФРЕЙБУРГ.

Из Иерусалима, да.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

А та женщина, что принесли?..

ГЕОРГ

(указывая на бургграфа).

Она — больная сестра господина, честные люди, и нуждается...

ФРЕЙБУРГ

(перебивает его).

Она — сестра его, прохвост, и моя жена; смертельно больна, как ты видишь, полуубита градом, так что ни слова вымолвить не может; ей необходимо местечко в твоей избе, пока не пройдет гроза и не наступит день.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Для нее местечко в моей избе?

ГЕОРГ.

Да, добрые угольщики; пока не пройдет непогода и пока мы не можем продолжать наш путь.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Клянусь, вы таких слов наговорили, которые не стоят того дыхания легких, которыми вы их выталкивали.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Исаак!

ФРЕЙБУРГ.

Сделаешь это?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Даже и собак императора впустил бы, господа, если бы они были у моих дверей. — И с а а к ! Бездельник! Не слышишь?

МАЛЬЧИК

(из избы).

Эге! Слышу. Что там?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Солому расстели, бездельник, и поверх одеяло; придет больная женщина и устроится в избе. Слышишь?

ФРЕЙБУРГ.

Кто там говорит?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Э, десятилетний мальчишка, белобрысый, прислуживает нам.

ФРЕЙБУРГ.

Хорошо.— Подойди-ка сюда, Шаурман! Здесь одна затычка разъехалась.

ШАУЕРМАН.

Где?

ФРЕЙБУРГ.

Все равно. — Туда ее, в угол! Когда рассветет, я тебя позову. (Шаурман вносит девицу фон Турнек в избу).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же без рыцаря Шаурмана и девицы фон Турнек.

ФРЕЙБУРГ.

Вот, Георг, теперь я изо всех сил ударю в кимвалы радости: она в наших руках, в наших руках эта Кунигунда фон Турнек! Как верно то, что я окрещен именем отца моего; за все блаженство, о котором я молился в юности, я не уступлю той радости, которая суждена мне, когда наступит завтрашний день! — Почему ты раньше не приехал сюда из Вальдштеттена?

ГЕОРГ.

Потому что ты не послал за мною раньше.

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Посмотрел бы ты на нее, как она, точно в сказке, ехала там верхом, окруженная местными рыцарями, подобно солнцу среди планет! И не казалось ли, будто бы она говорит кремешкам дорожным, от которых летели искры: „Вы должны таять, увидев меня?“ Фалестра, царица амазонок, когда она устремилась с Кавказа просить Александра Македонского, чтобы он ее поцеловал, не была пленительнее и очаровательнее, чем эта.

ГЕОРГ.

Где ты ее взял?

ФРЕЙБУРГ.

На расстоянии пяти часов, Георг, пяти часов от Штейнбурга, где рейнграф три дня чествовал ее шумными пирами! Чуть только ее покинули провожавшие ее рыцари, как я сбросил на песок ее двоюродного брата Исидора, который остался при ней, вскочил с нею на вороного, да и был таков.

ГЕОРГ.

Но, Макс, Макс, что ты затеял?

ФРЕЙБУРГ.

Скажу тебе, друг...

ГЕОРГ.

К чему приведут тебя все эти чудовищные приготовления?

ФРЕЙБУРГ.

Милый! Добрый! Удивительный! Мед Гиблы для этой груди, высохшей, как дерево, от жажды мести. Зачем позволять долее, чтобы это бесплодное существо, подобно олимпийской богине, высилось на пьедестале и от сени христианской церкви отвлекало нас и людей, нам подобных? Лучше долой, в сорную кучу, да наружу то, что было скрыто, чтобы каждый убедился воочию, что никакой бог в ней не обитает.

ГЕОРГ.

Но, ради всего святого, скажи мне, что наполняет тебя такую безумною ненавистью к ней?

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Человек легко бросает в грязь все, что он называет своим, кроме чувства. Георг, я любил ее, но она не была этого достойна. Я любил ее и был отвергнут, Георг; моей любви она не была достойна. Я хочу тебе вот что сказать... Но я бледнею, лишь только подумаю о ней. Георг! Георг! Когда у чертей не хватит выдумки, так пусть они посоветуются с тем петухом, что напрасно вертелся вокруг курочки, а напоследок увидел, что она, изъеденная проказою, для его забавы не годится.

ГЕОРГ.

Но ты не подвергнешь ее мести, недостойной рыцаря?

ФРЕЙБУРГ.

Нет, боже меня сохрани! И никакому слуге не поручу исполнить это над нею. Я возвращу ее рейнграфу в Штейнбурге, где только всего и сделаю, что сниму с нее ее косынку: и в этом будет вся моя месть.

ГЕОРГ.

Что? Снимешь косынку?

ФРЕЙБУРГ.

Да, Георг, и созову народ.

ГЕОРГ.

Ну, и когда это случится, что же ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ну, тогда я стану философствовать по поводу нее. Тогда я дам вам над нею метафизическое положение, как Платон, и потом истолкую мое положение, как дельвал веселый Диоген. Человек есть... Но тише.

(Прислушивается).

ГЕОРГ.

Ну! Человек есть?..

ФРЕЙБУРГ.

Человек есть, согласно Платону, двуногое, неоперенное существо; ты знаешь как это доказал Диоген; он, кажется, ошипал петуха и пустил его в народ. И эта Кунигунда, друг, эта Кунигунда фон Турнек по-моему... Но тише! Не будь я мужчиной, если там кто-то не соскочил с коня!

(Они отходят назад. Входят граф фон Штраль и рыцарь Фламберг).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Граф фон Штраль. Фламберг. Позже Готшальк.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стучится в дверь).

Эй, эй, вы, добрые угольщики!

ФЛАММБЕРГ.

Вот ночь, когда и волков в ущельи попросишь о приюте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Можно войти?

ФРЕЙБУРГ

(заступая ему дорогу).

Позвольте, господа! Кто бы вы ни были...

ГЕОРГ.

Вам здесь нельзя остановиться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя? Почему нельзя?

ФРЕЙБУРГ.

Потому что в доме нет больше места — ни для вас, ни для нас. Там, в единственном углу, который свободен, лежит моя опасно-больная жена, и с нею прислуга, ухаживает за нею. Не захотите же вы выгнать мою жену оттуда.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет, клянусь честью! Напротив, я желаю ей скорее оправиться в этой избе.

(Зовет, оборачиваясь назад).

Готшальк!

ФЛАММБЕРГ.

Теперь мы переночуем в гостинице Голубого Неба.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(как прежде)

Готшальк, тебя я зову!

ГОТШАЛЬК

(вблизи).

Здесь.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Подай сюда одеяла! Мы расположимся здесь, под ветвями.

(Входят слуга Готшальки и мальчик-угольщик).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Готшальк. Мальчик-угольщик.

ГОТШАЛЬК

(принеся одеяло, шопотом).

Чорт знает, что за дела здесь творятся. Мальчик говорит, что там внутри латник, который охраняет девушку; она лежит связанная, с заткнутым ртом как теленок, которого привезли на бойню.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(шопотом).

Что ты говоришь? Девушка? Связанная и с заткнутым ртом? Кто это тебе сказал?

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Откуда ты это знаешь?

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(испуганно).

Тс!— Ради всех святых! Господа, что вам?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Подойди.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Я говорю: тс!

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Кто это тебе сказал? Говори!

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(таинственно, оглянувшись предварительно).

Я это заметил, господа. Лежал на соломе, когда они внесли ее и сказали, что она больна. Осветил ее лампой и заметил, что она здорова, и щеки у нее не хуже, чем у нашей Лоры. И вздохнула, и сжимала мне руки, и улыбалась, и сказала так понятно, как умная собака: „Развяжи меня, милый мальчик, развяжи меня“, — что я это глазами услышал и пальцами понял.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вот что, мальчик, милый мой, белокурый, — ты так и сделай!

ФЛАММБЕРГ.

Что ты медлишь? Что ты делаешь?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Развяжи ее и пошли сюда.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(боязливо).

Тс! говорю я вам. Будьте как рыбы! А ну, как поднимутся они все трое, да подойдут сюда, да увидят, что делается?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ничего, славный ты мальчуган, ничего.

ФЛАММБЕРГ.

Им оттуда ничего не слышно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Им только и заботы — от дождя укрываться.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(озираясь).

А вы заступитесь за меня?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Конечно, заступлюсь, как верно то, что я — рыцарь.

ФЛАММБЕРГ.

Уж в этом будь уверен.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Ладно, я скажу отцу. А вы поглядывайте, что я сделаю: войду ли я в избу или нет.

(Вступает в разговор со старым угольщиком, который стоит сзади, у огня, и затем исчезает вместе со стариком в избе.)

ФЛАММБЕРГ.

Это что за ребята? Рыцари Вельзевула, которым орденскою мантиею служит ночь? Супруги, которые, сочетались на большой дороге кандалами да веревкой?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Больная, говорят они.

ФЛАММБЕРГ.

Опасно-больная, и благодарна за всякую помощь!

ГОТШАЛЬК.

Ну, погоди! Мы их разведем.

(Пауза).

ШАУЕРМАН

(в избе).

Эй! эге! Скотина!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вставай, Фламберг, поднимайся!

(Они встают).

ФРЕЙБУРГ.

Что такое?

(Сторонники бургграфа поднимаются).

ШАУЕРМАН.

На меня напали! На меня напали!

(Показывается Кунигунда).

ФРЕЙБУРГ.

Боги! Что я вижу!

(Кунигунда фон Турнек, в дорожном платье, с распущенными волосами, выходит из избы).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без угольщика и его мальчика. Девушка Кунигунда фон Турнек.

КУНИГУНДА

(бросается на колени перед графом фон Штраль).

Спаситель мой! Кто бы ни были! Вступитесь

За опозоренную многократно

Девичью честь. Ведь рыцарская клятва —

Невинность защищать, и вот во прахе

Она перед вами молит о защите.

ФРЕЙБУРГ.

Ее возьмите, люди!

ГЕОРГ

(удерживая его).

Макс, послушай!

ФРЕЙБУРГ.

Держите, говорю! Молчать заставьте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Прочь, господа! Что надо вам?

ФРЕЙБУРГ.

Что надо?

Ах, чорт возьми! Жену! Скорей! Берите!

КУНИГУНДА.

— Твою жену? Ты — лжец!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(строго).

Не смей! Не трогай!

Что надобно тебе от этой дамы,
Ты это мне скажи! Она теперь
Моя, отдавшись под мою защиту.

(Поднимает ее).

ФРЕЙБУРГ.

Да кто ты, дерзкий, чтобы становиться
Между супругами? Кто это право
Тебе дает — жену отнять от мужа?

КУНИГУНДА.

Жену? Злодей! Тебе я не жена!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А ты кто, негодяй, что называешь
Ее своей женою, плут проклятый,
Своей зовешь, девичий вор бесстыжий,
Ту девушку, с которой чорт в аду
Тебя венчал веревкою да кляпом?

ФРЕЙБУРГ.

Как? Что? Кто?

ГЕОРГ.

Макс, прошу тебя.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ошиблись очень вы...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто ты? Скажи!

ФРЕЙБУРГ.

Не думайте, что я...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Подайте свет!

ФРЕЙБУРГ.

Та женщина, что я привез с собою...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я говорю — фонарь подайте!

(Готшальк и угольщики выходят из избы с горящими факелами)

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Угольщики, Готшальк.

ФРЕЙБУРГ.

Я...

ГЕОРГ

(топотом).

Ты — сумасброд! Бежим! Скорей отсюда!
Навеки запятнать свой герб ты хочешь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, угольщики честные, светите!

(Фрейбург по знаку Георга опускает забрало. Фрейбургу).

Кто ты? Скажи! Да подними забрало!

ФРЕЙБУРГ.

Я, господа...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Забрало прочь!

ФРЕЙБУРГ.

Вам слышно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты вздумал безнаказанно, бездельник,
На мой вопрос смолчать, как я на твой?

(Срывает с его головы шлем; бургграф пошатнулся).

ШАУЕРМАН.

Швырни-ка смельчака вот так же наземь.

ВЕЦЛАФ

Живее! Меч!

ФРЕЙБУРГ.

Безумный, как ты смеешь!

(Он выпрямляется, извлекает меч и нападает на графа; тот уклоняется от удара).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Противишься ты мне, жених подложный!

(Поражает его)

Ступай же в ад, откуда ты пришел,
И там отпразднуй свой медовый месяц!

ВЕЦЛАФ.

Смотрите! Ужас! Поражен, упал!

ФЛАММБЕРГ

(нападая).

Вперед, друзья!

ШАУЕРМАН.

Бежим скорее!

ФЛАММБЕРГ.

Бейте!

Гоните сволочь, чтоб скорей бежала.

(Люди бургграфа бегут. Никто не остается, кроме Георга, который занят раненым Фрейбургом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О, всемогущие! Кого я вижу!
Ты, Фрейбург?

КУНИГУНДА

(про себя)

Чортов лис неблагодарный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто эта девушка тебе, несчастный?
Зачем она тебе?

ГЕОРГ.

Сказать не может.

Кровь с головы ему стекает в рот.

КУНИГУНДА.

Пусть захлебнется в ней!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Как сон все это!

(Садится обдумывая).

Он человек был честный и прямой.
К нему на помощь, люди!

ФЛАММБЕРГ.

Поднимайте

Его, скорей туда в избу несите.

(Георг и угольщики уносят Фрейбурга).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Фрейбурга, Георга и угольщиков.

КУНИГУНДА.

В могилу закопать! Лопат сюда!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Не беспокойтесь! Так как он повержен,
То вам не повредит и незарытый.

КУНИГУНДА.

Я попрошу воды.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам очень дурно?

КУНИГУНДА

Нет, ничего... Он... Помогите!.. Сесть бы!
Ох!

(Пошатывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Боже мой! Эй! Готшалк! Помоги!

ГОТШАЛК.

Огня сюда!

КУНИГУНДА.

Не надо, нет!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам лучше?

КУНИГУНДА.

Теперь в глазах моих не так темно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Что это так внезапно вас схватило?

КУНИГУНДА

(опять на коленях перед графом фон Штраль)
 Великодушный мой спаситель, это
 Как назову? Какое злодеянье
 Бесчеловечное меня здесь ждало?
 Подумаю ль, что здесь без вас, конечно,
 Произошло б, я вся дрожу от страха,
 И ни рукой не двинуть, ни ногою.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Скажите, кто вы? Что случилось с вами?

КУНИГУНДА

Как рада я теперь открыть вам это!
 Ваш меч свершенным вами делом не был
 Унижен; Кунигунда, баронесса
 Фон Турнек перед вами, знайте это;
 Мне сладостную жизнь вы сохранили,
 За это благодарностью воздаст вам
 Весь род мой в Турнеке, не только я.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вы? Это невозможно! Кунигунда
 Фон Турнек?

КУНИГУНДА

Да. Что удивляет вас?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает)

Ну что ж, сказать по чести, очень жалко,
 Что из огня вы в полымя попали:
 Ведь я же — Фридрих Веттер, граф фон Штраль!

КУНИГУНДА.

Как? Ваше имя? Тот, кто спас меня?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я — Фридрих Штраль, вы слышали. Мне жалко,
 Что лучшего сказать вам не могу.

КУНИГУНДА

(встает).

О, господи! Какое испытанье!

ГОТШАЛЬК

(тихо).

Фон Турнек? Так ли?

ФЛАММБЕРГ

(с удивлением).

Да, она, ей богу!

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Пусть так. Пусть это чувство, что в груди
Моей горит, не будет мне помехой.
Одно лишь чувствовать и думать буду—
Невинность, честь и жизнь нашли защиту
От волка этого, что здесь повергнут.
Приди ты, золотой, любезный, юный,
Спаситель мой, возьми кольцо вот это
Одно, что дать теперь тебе могу:
Воздам лишь им я юному герою
За подвиг смелый, узы разрешивший,
Избавивший меня от поношенья.
За подвиг, сделавший меня счастливой!
(Обращается к графу).

Мой повелитель, вашим назову я
Все, что мое! Как вы со мной решите?
Я в вашей власти; что со мною будет?
Должна ль я ехать в рыцарский ваш замок?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не без смущения).

Ко мне не так далеко, госпожа.
Садитесь на коня, и у графини,
У матери моей, переночуйте.

КУНИГУНДА.

Коня мне дайте!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(после короткой паузы).

И простите мне,

Что обстоятельства, в которых мы...

КУНИГУНДА.

Нет, нет! Прошу вас очень! Мне так стыдно!
Безропотно пошла бы я в темницу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

В темницу! Что вы! Убедитесь сами...

КУНИГУНДА

(перебивая его).

Я вашей милости не стою. Дайте
Мне вашу руку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Факелов! Светите!

(Оба уходят.)

ГОТШАЛЬК

(радостно потирая руки).

Забавно, право, — из кулька в рогожку!
(Перемена сцены).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

К у н и г у н д а фон Т у р н е к полуодетая, в романтическом костюме, входит и садится перед зеркалом у туалетного столика. За нею входят ее горничная Розалия и старая Бригитта.

РОЗАЛИЯ

(Бригите).

Сюда, бабушка, садись! Граф фом Штраль приказал доложить о нем моей госпоже; надо мне только ее волосы причесать, и она пока охотно послушает твои рассказы.

БРИГИТТА

(садится).

Так вы — госпожа Кунигунда фон Турнек?

КУНИГУНДА.

Да, бабушка, это я.

БРИГИТТА.

И зоветесь вы дочерью императора?

КУНИГУНДА.

Императора? Нет; кто тебе это сказал? Ныне живущий император — чужой мне; я — правнучка одного из прежних императоров, который сидел на германском престоле в прошлом столетии.

БРИГИТТА.

О, господи! Возможно ли это? Дочь правнука...

КУНИГУНДА.

Ну да!

РОЗАЛИЯ.

Разве я тебе этого не говорила?

БРИГИТТА.

Ну, ей богу, могу я теперь и в могилу лечь: вот он, сон-то графа фом Штраль!

КУНИГУНДА.

Какой сон?

РОЗАЛИЯ.

Слушайте только, слушайте! Это — самая чудесная история в свете! Но говори покороче, бабушка, и постереги вход; потому что времени, как я тебе сказала, у нас не много.

БРИГИТТА.

В конце позапрошлого года граф захворал от какой-то странной тоски, причины которой никто не мог отгадать; совсем слабый, лежал он с лихорадочно-красным лицом и бредил; врачи, которые исчерпали свои средства, говорили, что его ничем не спасти. Все, что было замкнуто в его сердце, теперь, в безумии горячки, перешло на его язык: он охотно, — говорил он, — расстается с жизнью; нет девушки, которая могла бы его полюбить; но жизнь без любви — смерть: мир называл он могилою, а могилу — колыбелью, и думал, что только в ней бы он родился вновь. Три ночи, одна за другою, в течение которых его мать не отходила от его постели, рассказывал он ей, что ему являлся ангел и зывал к нему: „Надейся, надейся, надейся!“ На графинин вопрос: не укрепилось ли его сердце от этого воззвания посла небесного, он отвечал: „Укрепилось? Нет!“ и со вздохом прибавлял: „Так будет, будет, матушка! Когда увижу ее!“ Графиня спросила: „И ты ее увидишь?“ — „Наверное!“ отвечал он. „Когда? — спросила она. — Где?“ — „В Сильвестрову ночь, когда наступит новый год, он приведет меня к ней“. — „Кто, — спросила она, — милый? К кому?“ — „Ангел, — сказал он, — к моей девушке“, отвернулся, и заснул.

КУНИГУНДА.

Бредни!

РОЗАЛИЯ.

Да вы дальше послушайте. — Ну?

БРИГИТТА.

Вот в Сильвестрову ночь, в тот самый миг, когда год переменяется, приподнялся он с постели, уставился в угол комнаты, словно видение ему было, и, показывая рукою: — „Мама, мама, мама!“ — сказал он. — „Что такое?“ — спросила она. — „Там, там!“ —

„Где?" — „Скорее!" — сказал он. — „Что?" — „Шлем! Латы! Меч!" — „Куда же ты?" — спросила мать. — „К ней, — сказал он, — к ней! Так! так! так!" — и опрокинулся: — „Прощай, мама, прощай!" — вытянулся, и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Мертвый?

РОЗАЛИЯ.

Мертвый, да!

КУНИГУНДА.

Она хочет сказать, похожий на мертвеца.

РОЗАЛИЯ.

Она сказала: мертвый. Не мешайте ей. — Н у ?

БРИГИТТА.

Мы приникли к его груди: было так тихо там, как в пустом покое. Перо перед ним держали, испытать его дыхание: оно не кольхнулось. Врач думал, что и в самом деле душа оставила его; боязливо кликал его по имени в самое ухо; чтобы оживить его, давал ему что-то нюхать; колот его шпильками и иголками, выдергивал ему волосы, так что кровь показалась; напрасно: он не двинул ни рукою, ни ногою и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Ну? Потом что?

БРИГИТТА.

Потом, долгонько так пролежавши, он встрепенулся, повернулся с печальным лицом к стене, и сказал: — „Ах, вот они принесли свечи! Вот она опять исчезла!" — словно бы этот свет что-то спугнул. И тогда графиня нагнулась над ним, и прижала его к своей груди, и сказала: — „Мой Фридрих! Где ты был?" — „У нее, — отвечал он радостным голосом, — у той, которая меня любит, у невесты, которую мне назначило небо! Иди, мать, иди, и прикажи во всех церквах молиться за меня: потому что теперь я хочу жить".

КУНИГУНДА.

И он действительно поправился?

РОЗАЛИЯ.

Это — подлинное чудо.

БРИГИТТА.

Поправился, барышня, поправился в самом деле; с того же часа пришел в себя и, точно освященный небесным бальзамом, вернул опять свои силы, и месяца не прошло, он уже стал здоров, как прежде.

КУНИГУНДА.

И рассказывал? Что же он рассказывал?

БРИГИТТА.

Ах, и рассказывал, и конца не было рассказам: как ангел вел его за руку через ночную тьму; как он тихонько открыл девичью спальню и, чтобы войти к ней, озарил все стены своим сиянием; как лежало там золотое дитя, ни во что, как только в рубашечку обложенное, и, увидев его, широко раскрыло глаза, и позвало голосом, стесненным от удивления: „Марианна!“ а голос то этот ни за что бы не услышал тот, кто спал в соседней комнате; как она потом, все больше и больше загораясь пурпуром радости, поднялась с постели, и опустилась перед ним на колени, голову склонила, и прошептала: „Мой высокий господин!“— как ангел сказал ему потом, что это — дочь императора, и показал ему родимое пятно, красноватое, что было у девушки на затылке,— как он, потрясаемый беспредельным восторгом, взял ее за подбородок, чтобы посмотреть ее лицо; и как окаянная девка, Марианна, вошла со свечкой, и с ее приходом все видение исчезло.

КУНИГУНДА

Так ты думаешь, что эта дочь императора...

БРИГИТТА

Кто же еще?

РОЗАЛИЯ.

И я это говорю.

БРИГИТТА.

Во всем Штральбурге после вашего приезда кто бы ни узнал, кто вы, всяк всплескнет руками и кричит: „Это — о н а ! “

РОЗАЛИЯ.

Немного недостает, чтобы колокола свои языки развязали и зазвонили: да, да, да!

КУНИГУНДА.

(встает).

Благодарю тебя, бабушка, за твой рассказ. Пока возьми эти серьги на память, и ступай себе.

(Бригитта уходит).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.
(Кунигунда и Розалия).

КУНИГУНДА
(прислушиваясь).

Идет там кто-то?

РОЗАЛИЯ.
Где?

КУНИГУНДА.
По галерее.

Нет...

КУНИГУНДА
Все, Розалия, скорее прочь!
(Встает).

РОЗАЛИЯ
(в сторону).

Что с ней?
(Вслух).
Нет никого.

КУНИГУНДА.
Нет?

РОЗАЛИЯ.
Никого;
Лишь только ветер, флюгер шевеля,
Шумит.

КУНИГИНДА.
А мне слышались шаги.
Застали б нас врасплох, беда была бы!
Розалия, все это убери!

РОЗАЛИЯ.
Ну, если б вас увидели такую,
Подумали б, — сказать не смею, что!

КУНИГУНДА.
Оставь, потом об этом.
(Снова подходит к зеркалу).

Ах, друг мой!
Какое счастье мне, что ты случайно
Попала в этот замок и сможешь,
Верна мне как всегда, умно завесить

От хитрого надзора неразумных
 То, что во мне должно остаться скрытым!
 Но, милая, не скажешь ли ты мне
 Чего-нибудь о том... моем тиране?
 В избе, в лесу оставили его.
 Он жив?

РОЗАЛИЯ.

Когда б желанья убивали,
 Сказала б: умер он. А так, — не знаю.

КУНИГУНДА.

Наведайся. Пока я не узнала,
 Для сердца моего все нет покоя.
 Когда ты скажешь мне, мой друг: он умер,
 Его уста закрылись навеки, —
 За слово каждое я награжу
 Жемчужиной тебя, как королева.

(Поглядевшись в зеркало, и д е т в глубокой задумчивости к окну налево и открывает его. — Пауза).

Розалия, ты привела в порядок
 Все, что я приготовила для графа?
 Свидетельства и письма?

РОЗАЛИЯ

(оставаясь у туалетного столика).

Здесь они.

Лежат все вместе в этой вот обложке.

КУНИГУНДА.

Дай мне...

(Берет со двора в комнату прикрепленный снаружи прутик, намазанный клеем).

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня?

КУНИГУНДА

(оживленно).

Взгляни, девица,

Не от крыла ли здесь остался след?

РОЗАЛИЯ

(подходя к ней).

Что там у вас?

КУНИГУНДА.

Вот клейкий прутик. Не знаю,

Кто к этому окну его подвесил!

Смотри, уж не крыло ль его задело?

РОЗАЛИЯ.

Конечно, след крыла. Кто был там? Чиж?

КУНИГУНДА.

То зяблик был, которого напрасно
Все утро я приманивать старалась.

РОЗАЛИЯ.

Взгляните, — перышко он здесь оставил!

КУНИГУНДА
(задумавшись).

Так дай же мне...

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня? Бумаги?

КУНИГУНДА
(смеясь, хлопает ее).

Плутовка! — Просо дай, что там стоит.

(Розалия смеется, идет и подает просо. Слуга в х о д и т в с р е д н ю ю дверь).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Розалия. Слуга.

СЛУГА
(докладывает).

Граф Веттер фон Штраль и графиня, его мать.

КУНИГУНДА
(бросая все, что у нее в руках).
Живее! Прочь все это!

РОЗАЛИЯ.

Сейчас, сейчас!
(Закрывает туалет и уходит направо).

КУНИГУНДА
(слуге).

Добро пожаловать.

(Слуга отступает, давая пройти, и исчезает. Графиня Елена и граф Веттер фон Штраль входят в среднюю дверь).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Графиня Елена. Граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(идет им навстречу).

О, мать почтенная того, кто жизнь
Мне спас! Чему обязана я счастьем,
Которое мне дарите, вас видеть,
И милостью — облобызать вам руки?

ГРАФИНЯ.

Смушаете меня вы, фрейлейн. К вам я
Пришла, поцеловать вам лоб, спросить вас,
Вам хорошо ли в доме у меня.

КУНИГУНДА.

Прекрасно. Я нашла здесь все, что надо.
Я вашей милости не заслужила,
Вы обо мне заботитесь, как мать.
И если что покой мой нарушало,
То это — стыд будящее смущенье;
Но было мне достаточно минуты,
Чтоб этот спор в моей груди был кончен.

(Обращаемся к графу).

Что с вашей левою рукою, граф?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Моя рука? Поверьте, ваш вопрос
Чувствительнее мне, чем эта рана!
Я о седло ушибся, помогая
С коня сойти вам, — больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Ты ранен? Я об этом и не знала.

КУНИГУНДА.

Когда мы замка этого достигли,
Кровь алой струйкой вытекла из раны.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сама рука об этом уж забыла.
И если этой кровью заплатил
Я Фрейбургу за вас, сказать могу я,
За плату малую он вас мне продал.

КУНИГУНДА.

Так цените ее вы, но не я.

(Обращается к графине).

Что ж, госпожа? Вам не угодно сесть?

(Подает стул. Граф приносит два других; все садятся).

ГРАФИНЯ.

О будущем что думаете вы?

Вы положенье взвесили, в котором

Находитесь? Вы знаете какой

Путь изберет в дальнейшем ваше сердце?

КУНИГУНДА

(тронутая).

Достопочтенная графиня, дни,

Отсчитанные мне, хочу отметить

Хвалой, и благодарностью, и ярким

Воспоминанием о том, что было,

Неутомимо прославляя вас

И весь ваш дом, пока последний вздох мой

Поднимет грудь мою, коль будет мне

Разрешено к моим вернуться в Турнек.

(Плачет).

ГРАФИНЯ.

Когда хотите вы к своим вернуться?

КУНИГУНДА.

Желала б я, — ждут тетушки меня, —

Поехать завтра, если можно будет,

Или на этих днях, по крайней мере.

ГРАФИНЯ.

Вы не боитесь никакой помехи?

КУНИГУНДА.

О нет, светлейшая, когда вы только

Позволите мне с вами объясниться.

(Целует графине руку, встает, и приносит бумаги).

Прошу вас взять вот это, граф фом Штраль!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

Могу ли я узнать, что это, фрейлейн?

КУНИГУНДА.

Здесь документы все об этом спорном

Владеньи вашем, Штауфен, те бумаги,

Которыми оправдан был мой иск.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сударыня, мне стыдно, в самом деле!
И если вы уверены, что эта
Тетрадь — опора прав, — я уступаю,
Хотя б избы последней я лишился!

КУНИГУНДА.

Возьмите, граф фон Штраль! Все документы
Двусмысленны, признаюсь, и просрочен
Тот выкуп, о котором говорится.
Но будь мое, как солнце, ясно право,
Я против вас его уж не направлю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я никогда их не возьму, конечно!
Как радостный подарок принимаю
От вас я мир; но если есть сомненье,
Что эти документы подтверждают
За вами все права на Штауфен, надо,
Чтоб император дело разобрал
И чтоб закон решил, кто заблуждался.

КУНИГУНДА

(графине).

Тогда хоть вы меня освободите,
Графиня, от бумажек этих жалких,
Которые мне руки жгут, и чувствую,
Меня одушевившему, противны,
И ни на что мне больше не нужны,
Хоть проживи я лет до девяноста.

ГРАФИНЯ

(также встает).

Нет, дорогая! Ваша благодарность
Заводит вас далеко. Что семье всей
Принадлежит, не можете отдать вы
В порыве мимолетном, вас объявшем.
Примите предложенье сына, дайте
В Вецларе эти рассмотреть бумаги;
Поверьте, нам вы будете любезны,
Какое б там ни приняли решение.

КУНИГУНДА

(страстно).

Ну что ж, моим ведь только было право!
И у родных мне спрашивать не надо,
А сыну завещаю только сердце!

Господ в Вецларе я не потревожу:
Здесь пламенная грудь решает это!
(Разрывает бумаги, и бросает их).

ГРАФИНЯ.

Ах, милое, беспечное дитя,
Что сделали вы? — Подойдите,
Я поцелую вас, коль так уж вышло.
(Обнимает ее).

КУНИГУНДА.

Пусть чувству этому, что загорелось
В моей груди, ничто уж не перечит!
Я не хочу, чтобы стена стояла
Меж избавителем моим и мною!
Всю жизнь мою хочу я без помехи
Дышать одним, — его любить и славить.

ГРАФИНЯ

(растроганная).

Так, девочка моя. Теперь довольно,
Взволнованы вы слишком.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Я желал бы,
Чтоб вы потом об этом не жалели.
(Пауза).

КУНИГУНДА

(осушая глаза).

Когда же позволят мне вернуться в Турнек?

ГРАФИНЯ.

Когда хотите! Сын вас сам проводит.

КУНИГУНДА.

Так завтра!

ГРАФИНЯ.

Хорошо! Вы так хотите,
А я бы рада видеть вас подольше.
Но наш обед разделите вы с нами?

КУНИГУНДА

(склоняясь перед нею).

Лишь с сердцем справлюсь, — я к услугам вашим.
(С в и д о м смирения уходит в правую дверь).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Графиня Е л е н а . Граф фон Ш т р а л ь.

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь.

Как верно то, что я — мужчина, в жены
Ее хочу!

ГРАФИНЯ.

Ну, ну, ну, ну!

ГРАФ Ф О М Ш Т Р А Л ь.

Что? Нет?

Ты хочешь, чтобы я невесту выбрал,
Но не ее? Не эту?

ГРАФИНЯ.

Что с тобою?

Сказала ль я, что мне она противна?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь.

Ведь не сегодня ж требую я свадьбы.
Ее был предком старый император,
Она в империи желанна многим.

ГРАФИНЯ.

А в ночь Сильвестра сон вещал о ней?
Как думаешь?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь.

Таить не стану: да!

Я не скажу, что все мне в ней приятно;
Мне кажется, нет женщин на земле
Таких же мстительных, таких коварных.
И если ненависть владеет ею,
Она ужасна; но великодушна,
Когда сплетет могущество любви
Сеть крепкую вокруг души могучей,
И верю я в могущество любви.
Я знаю, правда, девушку одну,
Достойную высокого супруга,
Невинную душой и телом, с сердцем

Великим и мне преданным до смерти,
Но той фиалки цвет не мне, — и выбрал
Я для меня раскрывшуюся ныне
Так ярко розу.

ГРАФИНЯ.

Над ее шипами
Подумаем сначала хоть немного.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но так, чтобы ее мне не лишиться.

(Оба уходят в среднюю дверь).

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Горы и лес. Направо уединенная келья.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Теобальд и Готфрид Фридеборн сводят Кетхен со скалы, возвышающейся перед хижиною.

ТЕОБАЛЬД.

Берегись, милая моя Кетхен; видишь, расселина в горной тропинке. Поставь свою ногу вон на этот камень, — он пооброс мохом; если бы я знал, где можно найти розу, я бы тебе сказал. Так!

ГОТФРИД.

Ты ведь богу, Кетхен, ничего не скажешь о дороге, которую сегодня хотела пойти? А то я думал, что на перекрестке, где стоит изображение девы Марии, два ангела придут, юные, величавые видом, со снежно-белыми крыльями за плечами, и скажут: Прощай, Теобальд! Прощай, Готфрид! Вернитесь туда, откуда вы пришли; мы теперь поведем дальше Кетхен по ее дороге к богу. — Но ничего этого не случилось; мы должны проводить тебя до самого монастыря.

ТЕОБАЛЬД.

Так тихо стоят дубы, раскинувшиеся по горам: слышно, как там стучит дятел. Мне кажется, знают они, что Кетхен пришла, и прислушиваются к тому, что она думает. Чем бы я ни стал, чтобы только узнать это! Звон арфы не может быть нежнее, чем ее чувства; Израиль отшатнулся бы от Давида, и с ее слов научился бы новой псалтири. — Милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Скажи хоть слово.

КЕТХЕН.

Мы уже у цели?

ТЕОБАЛЬД.

Да, у цели. Там, в том приветливом здании, которое вместе со своими башнями сжато горами, едва в тысяче шагов отсюда, находятся тихие кельи благочестивых монахов-августинцев; и здесь освященное место, где они молятся.

КЕТХЕН.

Я чувствую себя усталою.

ТЕОБАЛЬД.

Посидим. Подойди ко мне, дай руку, я поддержу тебя. Здесь, перед этою решеткою, скамейка есть, обросшая короткою и густою травою: взгляни, самое приятное местечко, какое только я когда-нибудь видел.

(Кетхен садится).

ГОТФРИД.

Как ты себя чувствуешь?

КЕТХЕН.

Очень хорошо.

ТЕОБАЛЬД.

Ты бледна, все-таки, и лоб твой влажен от пота.

(Пауза).

ГОТФРИД.

Прежде ты была такая крепкая, милою за милою могла итти, через лес и через поле, а чтобы отдохнуть хорошенько, тебе нужен был только камень под голову да узелок, который ты за плечом носила; а сегодня ты так истощена, что, кажется, все постели, на которых почивает императрица, не помогут тебе опять стать на ноги.

ТЕОБАЛЬД.

Не подкрепиться ли тебе чем-нибудь?

ГОТФРИД.

Пойти и принести тебе глоток воды?

ТЕОБАЛЬД.

Или отыскать для тебя сочный плод?

ГОТФРИД.

Скажи, милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Благодарю тебя, милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ты благодаришь нас?

ГОТФРИД.

Ты отказываешься ото всего?

ТЕОБАЛЬД.

Тебе ничего не надо, только бы скорее конец, только бы я пошел и сказал приору Гатто, моему старому другу: вот перед тобою старый Теобальд, он хочет схоронить своего единственного милого ребенка!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ладно. Пусть так. Но прежде, чем мы сделаем решительные шаги, которых нельзя уже будет вернуть, я хочу сказать тебе еще кое-что. Я скажу тебе, что пришло в голову Готфриду и мне на пути сюда и что, как нам кажется, необходимо сделать, прежде чем мы поговорим об этом деле с приором. Сказать тебе, в чем дело?

КЕТХЕН.

Говори!

ТЕОБАЛЬД.

Так вот, начнем, замечай себе все и хорошенько пытай свое сердце! Ты хочешь, чтобы приор Гатто хлопотал о приеме твоём в монастырь урсулинок, скрывающийся глубоко в пустынных горах, поросших сосновым лесом. Тебя уже не прельщает мир, милое поле жизни; одинокое и благочестивое созерцание божьего лика должно заменить тебе отца, брак, детей и ласки маленьких цветущих внучат.

КЕТХЕН.

Да, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД

(помолчав немного),

А что, если бы возвратиться тебе на несколько недель, пока погода еще хороша, к тем стенам, и там еще раз обдумать решение?

КЕТХЕН.

Как?

ТЕОБАЛЬД.

Я говорю, вернуться бы тебе опять к Штральбургу, под твою бузину, где чижи свили себе гнезда, у скалистого отвеса, откуда, ты знаешь, замок глядит на деревни и поля страны, светясь в лучах солнца?

КЕТХЕН.

Нет, дорогой отец!

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН.

Граф, господин мой, запретил мне это.

ТЕОБАЛЬД.

Он тебе запретил. Хорошо. И того, что он запретил, ты и не должна делать. Однако, если бы я пошел к нему и просил, чтобы он это позволил?

КЕТХЕН.

Как? Что ты говоришь?

ТЕОБАЛЬД.

Если бы я просил его тебе оставить местечко, где тебе так хорошо, а мне свободу дружески тебя снабжать там же всем, что тебе необходимо?

КЕТХЕН.

Нет, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН

(втоске).

Ты этого не сделаешь; а если бы ты это сделал, граф не позволит; а если бы он позволил, мне все равно нечего было бы делать с его разрешением.

ТЕОБАЛЬД.

Кетхен! Милая моя Кетхен! Я сделаю это. Я повергнусь перед ним, как теперь перед тобою, и скажу: мой высокий господин! позвольте Кетхен жить под небом, которое распростерто над вашим замком; и, когда вы выезжаете верхом, дозвоьте, чтобы она издали, на полет стрелы, следовала за вами, а когда наступит ночь, дайте ей местечко на соломе, разостланной для ваших гордых коней! Это все-таки лучше, чем ей погибнуть от скорби.

КЕТХЕН

(также опускаясь перед н и м на колени).

О, господи, владыка небесный! Ты уничтожаешь меня! Твои слова, точно ножом, крест на крест пронизали мою грудь! Теперь уже я не хочу идти в монастырь, я вернусь с тобою в Гейльбронн; я забуду графа, и выйду замуж за кого ты хочешь; даже если бы моею брачного постелью стала могила восьми локтей глубиною.

ТЕОБАЛЬД

(вставая и поднимая ее).

Ты не сердись на меня, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, нет! Что это пришло тебе в голову?

ТЕОБАЛЬД.

Я отведу тебя в монастырь.

КЕТХЕН.

Ни за что, никогда. Ни в Штральбург, ни к урсулинкам! Только отведи меня на ночь к приору, где бы я могла преклонить голову и отдохнуть; на заре, если можно будет, пойдем обратно.

(Плачет).

ГОТФРИД.

Что ты наделал, старик?

ТЕОБАЛЬД.

Ах! Я довел ее до болезни!

ГОТФРИД

(звонит).

Дома приор Гатто?

ПРИВРАТНИК

(открывает дверь).

Иисусу Христу слава!

ТЕОБАЛЬД.

Во веки веков, аминь!

ГОТФРИД.

Может быть, она придет в себя.

ТЕОБАЛЬД.

Иди, дочь моя! Да просветит тебя господь своею премудростью, чтобы все повернулось к добру.

КЕТХЕН

(молитвенно складывая руки).

Просвети меня, господи, и помоги мне.

(Уходят).

Перемена сцены: гостиница.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф фон Штейн и Фридрих фон Гернштадт входят, за ними Яков Пех, хозяин гостиницы и слуги, сопровождающие рейнграфа.

РЕЙНГРАФ

(слугам).

Расседлайте коней! Поставьте часовых на триста шагов вокруг гостиницы, и впускайте всякого, не выпускайте никого! Кормите лошадей и сами оставайтесь в конюшнях, и показывайтесь как можно меньше; когда Эгингард вернется с известиями из Турнека, я отдам вам дальнейшие приказания.

(Слуги удаляются направо)

Кто живет здесь!

ЯКОВПЕХ

С позволения вашей милости, я и моя жена, могущественный господин!

РЕЙНГРАФ.

Кто еще?

ЯКОВПЕХ

Трое парней.

РЕЙНГРАФ.

А здесь?

ЯКОВ ПЕХ

Скот.

РЕЙНГРАФ.

Как?

ЯКОВПЕХ

Скот, —свинья с ее пометом, с позволения вашей милости; это — свинятник, на дворе из дранок сколочен.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. —А здесь кто живет?

ЯКОВПЕХ

Где?

РЕЙНГРАФ.

За этуо третью дверью?

ЯКОВПЕХ

Никто, с позволения вашей милости.

РЕЙНГРАФ.

Никто?

ЯКОВПЕХ

Никто, могущественный господин, доподлинно так. Или, вернее, всякий. Это выходит опять на открытое поле.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. — Как тебя зовут?

ЯКОВПЕХ

Яков Пех.

РЕЙНГРАФ.

Пошел прочь, Яков Пех!..

(Яков Пех уходит направо, в гостиницу).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф, Фридрих.

РЕЙНГРАФ.

Я подберусь здесь в клубок, как паук, чтоб быть похожим на кучку невинной пыли; а когда она попадет в сети, эта Кунигунда, чтобы наброситься на нее и вонзить глубоко в ее неверную грудь жало мести; убить, убить, убить, и ее костяк, как монумент блудницы, спрятать на чердаке Штейнбурга!

ФРИДРИХ.

Тише, тише, Альбрехт! Эгингард, которого ты послал в Турнек, еще не возвратился с подтверждением того, что ты подозреваешь.

РЕЙНГРАФ.

Правда твоя, друг; Эгингард еще не возвратился. Правда, в записке, которую мне прислала негодница, написано: она имеет честь мне откланяться; нет надобности в том, чтобы я впредь добивался ее; Штауфен уступлен ей графом фон Штраль путем дружеского посредничества. Клянусь моей бессмертной душой! Будь в этом какой-нибудь честный смысл, я готов проглотить это, и снова распустить войска, и отменить военные приготовления, которые я сделал ради нее. Но если Эгингард придет и скажет мне то, о чем уже донесли до меня слухи, будто она обручилась с ним, тогда я сложу мою учтивость, как перочинный ножик, и уж сумею выколотить военные расходы, даже если бы пришлось перевернуть ее и по геллеру вытряхивать у нее из карманов все сполна.

(Эгингард фон дер Варт входит справа).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Эгингард. Потом трою парней хозяйина.

РЕЙНГРАФ.

Прими, мой друг, верный братский привет! — Что творится в замке Турнек?

ЭГИНГАРД.

Друзья, все так, как нам известно по слухам. Они плывут на всех парусах по океану любви, и прежде, чем обновится месяц, они войдут в гавань брака.

РЕЙНГРАФ.

Пусть молния разгромит их мачты прежде, чем они ее достигнут!

ФРИДРИХ.

Они обручены?

ЭГИНГАРД.

Грубыми словами, думаю я, нет; но если взгляды могут говорить, выражения лиц — писать, а пожатия рук — скреплять, то брачный договор готов.

РЕЙНГРАФ.

Но как же произошло, что он подарил ей Штауфен? Об этом расскажи!

ФРИДРИХ.

Когда он сделал ей подарок?

ЭГИНГАРД.

Эх! Третьего дня утром, в день ее рождения, на блистательном празднике, который дали ей в Турнеке родные. Солнце едва озарило ее ложе, когда она нашла документ у себя на одеяле; документ обернут, понятно, письмецом влюбленного графа, в котором говорится, что это — ее свадебный подарок, если она решится отдать ему руку.

РЕЙНГРАФ.

Она приняла? Конечно! Не правда ли, она стала перед зеркалом, сделала книксен, и приняла?

ЭГИНГАРД.

Документ? Во всяком случае.

ФРИДРИХ.

А рука, которой требовали в награду за это?

ЭГИНГАРД.

О, в этом она не отказала.

ФРИДРИХ.

Что? Нет?

ЭГИНГАРД.

Нет! Боже сохрани! Разве она отказала хоть одному из женихов?

РЕЙНГРАФ.

Но, когда колокол зазвонит, она не сдержит слова?

ЭГИНГАРД.

Об этом вы меня не спрашивали.

РЕЙНГРАФ.

Как ответила она на письмо?

ЭГИНГАРД.

Она была так тронута, что из глаз ее, как из двух источников, полились слезы и залили его письмо; речь, к которой она обратилась, чтобы выразить свои чувства, оказалась бедною, как нищий. И без этой жертвы он имел бы право на ее вечную благодарность, и это начертано в ее груди словно буквами из диамантов; словом, письмо, полное двухсмысленных уловок, играет двумя красками, как двуличная тафта, и не говорит ни да, ни нет.

(Трое парней хозяина в течение разговора выползли на четвереньках из дома, справа, и приближаются, любопытствуя).

РЕЙНГРАФ

(оборачивается, и обращает в бегство вскрикивающих от страха парней).

Ха-ха-ха! Ну, друг, с этою проделкою колдовство Кунигунды уляжется в могилу! Она обманула меня, и больше никого не обманет; вереницы людей, которых она водила за нос, мною замыкаются. Где оба верховые гонца?

ФРИДРИХ

(зовет в дверь направо).

Эй!

(Два гонца входят справа).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Два гонца.

РЕЙНГРАФ

(извлекая из колета два письма).

Возьмите вот эти письма, — это ты, а это ты; и отвезите их, — ты вот это доминиканскому приору Гатто, понимаешь? В семь часов вечера я буду у него и приму в его монастыре отпущение грехов. Ты вот это Петеру Кванцу, гофмейстеру в замке Турнек. Когда пробьет полночь, я с моим отрядом явлюсь перед замком и ворвусь в него. Ты не входи раньше в замок, — слышишь ты? — пока не стемнеет, и чтобы тебя ни один человек не видел; понимаешь ты меня? А тебе нечего бояться дневного света.— Поняли вы меня?

ГОНЦЫ.

Хорошо.

РЕЙНГРАФ

(снова берет у них из рук письма).

Письма-то не перепутаны?

ФРИДРИХ.
 Нет, нет.
 РЕЙНГРАФ.
 Нет? — Земля и небо!
 ЭГИНГАРД.
 Что случилось?
 РЕЙНГРАФ.
 Кто их запечатывал?
 ФРИДРИХ.
 Письма?
 РЕЙНГРАФ.
 Да!
 ФРИДРИХ.
 Пропади ты пропадом! Ты сам их запечатал!

РЕЙНГРАФ
 (опять отдавая письма гонцам).
 Совершенно правильно! Вот, возьмите! Я буду ждать вас у мельницы, возле водопада. Идите, друзья мои!
 (Все уходят направо).

Перемена сцены: неглубокая комната в замке Турнек. Посредине дверь. Боковые двери направо и налево. Окно с правой стороны. Столы: на столе справа две зажженные свечи. Стулья.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ

Граф фон Штраль сидит, задумавшись, у стола, что с правой стороны, на котором стоят свечи; он держит лютню, изредка берет аккорды. Готшалк на заднем плане занят уборкою одежды и оружия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 Сбылись мечты, ночь брачная близка,
 Гость замка Турнек станет господином.
 Зачем же я, близ пристани надежной,
 Сомнений полн, беспомощный, боюся,
 Что буря разобьет корабль блаженства ?

ГОТШАЛЬК
 (покачивая голову, наблюдает за графом и потом напевает тихонько).

Тайная любовь
 Разжигает кровь
 Пламенной углей,
 Горячей огней.

ГОЛОС КЕТХЕН
 (снаружи, за среднюю дверь).
 Откройте мне! Откройте мне!

ГОТШАЛЬК.

Кто там?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я, Готшальк, здесь; мой милый Готшальк, я!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГОТШАЛЬК.

Ты?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Да!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оставляя лютню).

Знакомый голос!

ГОТШАЛЬК.

Клянусь, его я тоже слышал где-то.

ГОЛОС КЕТХЕН.

Откройте, граф фон Штраль! Откройте, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ей богу, это...

ГОТШАЛЬК.

Это, побожусь...

ГОЛОС КЕТХЕН.

Здесь Кетхен! Кто ж иной? Ведь это — Кетхен, Малютка Кетхен из Гейльбронна!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

ГОТШАЛЬК

(бросая все, что было у него в руках).

Ты, девочка? Сердечненькая! Ты?

(Отворяет среднюю дверь).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как мир стоит, бывало ль?..

(Кетхен с письмом в руках входит в среднюю дверь).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кетхен.

КЕТХЕН
(входя).

Это — я.

ГОТШАЛЬК.

Она сама! Взгляните, ради бога!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК.

Я не ослышался?

КЕТХЕН.

Где граф фон Штраль?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК

(берет ее за руку).

Как, ваша милость!..

КЕТХЕН

(подает ему письмо).

Вот! Возьмите, граф!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(внезапно оборачиваясь к ней).

Что надо здесь тебе? Чего ты ищешь?

КЕТХЕН

(испуганная).

Нет! Боже сохрани! Письмо вот это...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Я не хочу его! Что за письмо?

Откуда? Что в нем? Мне-то что за дело?

КЕТХЕН.

Письмо...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И знать о нем я не хочу!

Иди! Отдай его внизу, в передней!

КЕТХЕН.

Мой господин! позвольте объяснить вам.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(в диком бешенстве).

Бесстыдная, бродячая девчонка!
И знать о ней я не хочу! Сказал я!
Назад в Гейльбронн, — там надо быть тебе!

КЕТХЕН.

Мой повелитель! Тотчас вас покину!
Но лишь письмо, — оно для вас так важно, —
Из рук моих принять вы снизойдите.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да не хочу его! Не нужно мне!
Иди, живей!

КЕТХЕН

(просительно).

Высокий господин мой

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(отворачиваясь).

Мой хлыст! Где он висит? Вот посмотрю я,
Да неужель я от беспутной девки
Покоя не могу добиться дома!

(Снимает хлыст со стены).

ГОТШАЛЬК.

Что, ваша милость, вы хотите сделать?
Не от нее письмо, так почему же
Его вы благосклонно не возьмете?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Молчи, осел ты старый!

КЕТХЕН

(Готшальку).

Пусть! Оставь!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Здесь, в Турнеке, я знаю, что мне делать,
И от нее письма я не возьму!
Уйдешь теперь?

КЕТХЕН

(скороговоркой, дрожа).

Исполню вашу волю.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну что ж?

ГОТШАЛЬК

(в полголоса Кетхен).

Не бойся ничего!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Иди же!

Отдай слуге — у входа он стоит,

И уходи, откуда ты пришла.

КЕТХЕН.

Да, да. Увидишь, я послушна буду.

Не бей меня, пока скажу Готшальку.

(Обращается к Готшальку).

Возьми письмо.

ГОТШАЛЬК.

Дай, милое дитя!

(Берет письмо).

Что за письмо? И что оно содержит?

КЕТХЕН.

От графа, — понимаешь ты? — фон Штейн,

В нем говорится, что еще сегодня

На Турнек нападут, на этот замок,

И на прекрасную невесту графа.

Владыки моего, на Кунигунду.

ГОТШАЛЬК.

На замок нападение? Быть не может!

От графа Штейн? Где ты взяла письмо?

КЕТХЕН.

Посланье получил почтенный Гатто,

Как-раз когда с отцом по божьей воле

Была у приора я в тихой келье;

Не понял приор смысла этих строчек,

Вернуть гонцу письмо уж собирался,

Но я письмо из рук его схватила,

И поспешила в Турнек, — все сказать вам,

Чтоб вы скорей взяли за оружие;

Ведь звон полуночный сегодня должен

Сигналом быть убийственной измены.

ГОТШАЛЬК.

Да как же к приору письмо попало?

КЕТХЕН.

Не знаю, милый; и не все ль равно?

Как видишь, послано оно к кому-то,

Кто в замке Турнек здесь живет; а как
 Попало к приору, нельзя понять.
 Но убедилась я сама, что верно
 О нападеньи сказано в нем: словом,
 Уж близок граф, он к Турнеку подходит,
 Я по дороге встретила его.

ГОТШАЛЬК.

Ты, дочка призрак видела!

КЕТХЕН.

Не призрак!

Нет, право же! Как верно, что я — Кетхен!
 Пред самым замком граф стоит; кто, конный,
 Из замка выедет, чтоб осмотреться,
 Увидит тот, что далеко в округе
 Весь лес наполнен всадниками графа.

ГОТШАЛЬК.

Возьмите ж граф, письмо, взгляните сами!
 Не знаю, что и думать мне об этом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(откладывает хлыст, берет п и с ь м о и разворачивает его).

„Едва пробьет двенадцать, буду я
 Пред Турнеком. Пусть ворота отворят.
 Как только запыхает, я войду;
 Не мечу ни в кого, лишь в Кунигунду,
 Да граф фон Штраль, ее жених, мне враг.
 Ты мне укажешь, старый, их покои“.

ГОТШАЛЬК.

Вот злодеянье адское! А подпись?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь три креста стоят.
 (после паузы, Готшалю).

Подай мне панцырь

Как силен был отряд их, Катерина?

КЕТХЕН.

Шесть, семь десятков, господин мой славный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сам граф фон Штейн был с ними?

КЕТХЕН.

Не видала.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто вел его отряд?

КЕТХЕН.

Мне незнакомых

Два рыцаря, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Теперь, ты говоришь, они пред замком?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Отсюда далеко?

КЕТХЕН.

Рассеяны в лесу шагов на триста.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Направо от пути?

КЕТХЕН.

В бору, налево,

Где мостик высится над водопадом.

(Пауза).

ГОТШАЛЬК

Вот замысел неслышанный и гнусный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет письмо; Готшальку).

Зови ко мне скорей господ фон Турнек!

Как время?

ГОТШАЛЬК.

Через полчаса — двенадцать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя терять нам ни одной минуты.

(Надевает шлем).

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас; иду! Голубка Кетхен,

Усталым сердцем отдохни немного!

Как благодарны мы тебе, ей богу!

Так, ночью, чрез леса, поля, долины...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Еще что, девушка, сказать мне хочешь?

КЕТХЕН.

Нет, господин почтенный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что ты ищешь?

КЕТХЕН

(проводя рукою по своей груди).

Обложка, может быть, тебе нужна.

Как-будто, здесь?.. Как-будто, там?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Обложка?

КЕТХЕН.

Нет, здесь.

(Вынимает конверт и подает его графу).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Давай.

(Рассматривает бумагу).

Твое лицо пылает!

Надень платок сейчас же, Катерина,

Не пей, пока не отдохнешь! — Да разве

Нет у тебя?

КЕТХЕН.

Нет.

(Готшальк радостно потирает руки).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(снимает с себя шарф, но, взглянув на Готшалька, внезапно отворачивается и бросает шарф на стол).

Вот, возьми-ка шарф.

(Берет перчатки и натягивает их).

Когда захочешь ты к отцу вернуться,

Я дам тебе, само собой понятно...

(Удерживается).

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(замечает хлыст).

Зачем здесь хлыст?

ГОТШАЛЬК.

Да на нее вы сами!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(яростно).

Каких же здесь собак прогнать мне надо?

(Бросает хлыст направо в окно так, что звенят осколки стекла; потом к Кетхен).

Повозку, милое дитя, и лошадь,
 Чтоб ты вернулась безопасно в Гейльбронн.
 Когда ты хочешь?

КЕТХЕН
 (дрожа).

Господин, сейчас же!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (гладит ее по щеке).

Нет, не сейчас. В корчме переночуешь.
 (Плачет. Готшальку).

Глаза тарачишь? Подбери осколки!
 (Готшальк подбирает осколки. Граф фон Штраль берет со стола шарф и по-
 дает его Кетхен).

Возьми! Когда остынешь, дай обратно!

КЕТХЕН
 (хочет поцеловать его руку).

Владыка мой!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (отворачиваясь).

Прощай! Прощай! Прощай!
 (Набат и шум суматохи снаружи).

ГОТШАЛЬК.

Всесильный боже!

КЕТХЕН.
 Что там? Что случилось?

ГОТШАЛЬК.

Идут они?

КЕТХЕН.
 Идут?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вперед, фон Турнек!
 Рейнграф уж здесь, клянуся всем живущи
 Сюда, бездельники вы, жгите, грабьте!
 Я докажу, что не передник женский,
 А Веттер, граф фон Штраль — защитник замка!

(Бросается из комнаты. Кетхен, с помощью Готшалька, берет с девической
 неловкостью ити копье и бежит вслед за графом. Готшальк — за ними).

Перемена сцены: двор перед замком Турнек. Ночь; замок горит. Призывы
 к нападению.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

НОЧНОЙ СТОРОЖ

(входит и трубит в рог).

Пожар! Пожар! Пожар! Просыпайтесь вы, мужи Турнека, вы, жены и малые дети, просыпайтесь! Стряхните с себя сон, который как исполин навалился на вас; опомнитесь, воспряньте и проснитесь! Пожар! Злодеяние прокралось через ворота! Смерть с луком и со стрелами стоит прямо над вами, и, чтобы ей светить, разорение вбило свои факелы по всем углам города! Пожар! Пожар! О, иметь бы мне легкие из бронзы да одно только слово кричать как можно громче: Пожар! Пожар! Пожар!

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Три господина фон Турнек. Свита. Ночной сторож. Голос Готшалька. К р и к и часовых. К р и к о пожаре врывается во время пауз в разговоры.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Земля и небо! Кто поджег замок? Готшальк!

ГОТШАЛЬК

(за сценою).

Эй!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мой щит! Мое копьё!

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Что случилось?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не спрашивайте, берите всех, кто здесь есть, спешите на валы, защищайтесь и разите как разъяренный ранюю кабан!

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Рейнграф у ворот?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

У ворот, господа, и прежде, чем вы успеете задвинуть засовы, — здесь: ворота ему отворила измена внутри замка.

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Злодеяние неслыханное! — Вперед!

(Уходит со свитою).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Готшальк!

ГОТШАЛЬК
(за сценою).

Эй!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мой меч! Мой щит! Мое копье!

(Кетхен появляется со щитом, копьем и мечом).

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, кроме господ фон Турнек и их свиты. Кетхен.

КЕТХЕН.

Здесь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(принимая меч и опоясываясь им).

Чего тебе?

КЕТХЕН.

Я принесла тебе оружие.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Тебя я не звал.

(Берет щит и копье).

КЕТХЕН.

Готтшальк спасает.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Почему он не пришлет слуг? Ты уж опять вмешиваешься!
(Ночной сторож опять трубит в рог).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг со всадниками.

ФЛАММБЕРГ.

Эге, ты так трубишь, что у тебя, пожалуй, щеки лопнут!
Рыбы и кроты знают, что пожар, — какая нужда в твоём богопротивном пении, чтобы нам возвещать об этом?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто там?

ФЛАММБЕРГ.

Штральбургские!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.
 Фламберг?
 ФЛАММБЕРГ.
 Он самый!
 ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.
 Иди сюда! Побудь здесь, пока мы разведаем, где бушует битва!

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. В х о д я т тетки фон Турнек.

ПЕРВАЯ ТЕТКА.
 Господи, помоги нам!
 ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.
 Успокойтесь, успокойтесь.
 ВТОРАЯ ТЕТКА.
 Мы пропали! Нас перебьют!
 ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.
 Где госпожа Кунигунда, ваша племянница?
 ТЕТКИ.
 Госпожа наша племянница?
 КУНИГУНДА
 (в замке).
 Помогите! Люди! Помогите!
 ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.
 Господь небесный! Не ее ли это был голос?
 (Отда е т ш и т и копые Кетхен и хочет итти).
 ПЕРВАЯ ТЕТКА.
 Она зовет! Спешите, спешите!
 ВТОРАЯ ТЕТКА.
 Она показалась там, в портале!
 ПЕРВАЯ ТЕТКА.
 Скорей! Ради всех святых! Она шатается, она падает!
 ВТОРАЯ ТЕТКА.
 Спешите ей помочь!
 (Кунигунда ф о н Турнек и ее служанка Розалия выходят из замка).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кунигунда. Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(принимая в с в о и объятия Кунигунду).

О, Кунигунда!

КУНИГУНДА

(слабым голосом).

Портрет вы подарили мне, граф Фридрих!

Портрет, в футляре...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что же? Где же он?

КУНИГУНДА.

В огне! Увы! Спасите! Он сгорит!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Пустое! Сам я с вами, дорогая!

КУНИГУНДА.

Портрет с футляром, Веттер граф фон Штраль

Портрет с футляром!

КЕТХЕН

(подходит)

Где он? Где стоит?

(Отдает Фламбергущити копьё).

КУНИГУНДА.

Он там, в столе! Голубушка, вот ключ!

(Кетхен берет к л ю ч и хочет итти).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, Кетхен!

(Кетхен останавливается).

КУНИГУНДА.

Живо!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, дитя!

КУНИГУНДА.

Зачем

Дорогу заступили ей?

Пустите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

За этот десять вам других портретов...

КУНИГУНДА

(перебивает его).

Нет, этот, не другой! Чего он стоит,
Не место здесь сейчас вам объяснять.
Ну, девушка, добудь портрет с футляром:
За это награжу тебя алмазом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так добывай! Безумной по делом!
Чего она искала в этом месте?

КЕТХЕН

(удаляясь).

Где, вправо?

КУНИГУНДА.

Влево, милая; подняться
Там, где, взгляни, балконом вход украшен!

КЕТХЕН.

Там, в средней комнате?

КУНИГУНДА.

Да, в средней! Верно
Найдешь, беги! Опасность угрожает!

КЕТХЕН.

Иду я! С богом! С богом! Принесу вам!...
(Скрывается в замке).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Граф фон Штраль. Кунигунда Розалия. Люди, бегущие на помощь.
Потом Кетхен).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ,

Эй, золота кошель тому, кто в замок
За ней пойдет!

(Вынимает кошель).

КУНИГУНДА.

Зачем же? Для чего?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фейт Шмидт! Ганс, ты! Карл Беттигер! Фриц Тёпфер!
Кто здесь из вас?

КУНИГУНДА.

Что вздумалось вам?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Признаться должен я, что в самом деле...

КУНИГУНДА.

Каким вы рвением странным загорелись!
Кто эта девочка?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Девушка эта

С таким сегодня рвением нам служила.

КУНИГУНДА.

Как-будто дочь царя она, ей богу!
Чего страшитесь вы? Хоть дом пылает,
Но как скала стоит на балках прочно;
Она в тех переходах не погибнет.
И лестница еще ведь не горит;
В дыму пройдет, иной беды не будет.

КЕТХЕН.

(появляется в пылающем окне верхнего этажа).
Эй, фрейлейн!.. Господи, я задыхаюсь!

(Кричит очень громко):

Не тот мне дали ключ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кунигунде).

Ах, смерть и дьявол!

Получше б вам направить вашу руку!

КУНИГУНДА.

Что? Ключ не тот?

КЕТХЕН

(слабым голосом).

О боже, помоги!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, дитя!

КУНИГУНДА.

Пусть, пусть!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, сказал я!

Что без ключа ты сделаешь? Сюда!

КУНИГУНДА.

Одну минутку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как? Что, чорт возьми!

КУНИГУНДА

(обращаясь к Кетхен).

Сердечко, милая, я вспоминаю
Теперь, что ключ на гвоздике висит
У зеркала, что там над туалетом!

КЕТХЕН.

У зеркала?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Уж лучше б не родились
Ни тот, кто рисовал меня, ни тот,
Кто произвел меня на свет, ей-богу!

(обращаясь к Кетхен):

Ищи!

КУНИГУНДА

(ей же).

Над туалетом, светик, слышишь?

КЕТХЕН

(отходя от окна).

Где туалетный стол? — все полно дыма.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КУНИГУНДА.

К стене направо.

КЕТХЕН

(уже невидная).

Здесь, направо?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КЕТХЕН

(слабым голосом).

Помилуй, бог!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи, сказал я!

Проклятая услужливость собачья!

ФЛАММБЕРГ.

Дом рухнет скоро, — пусть бы поспешила!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу!

КУНИГУНДА.

Мой милый, что вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу! Я поднимуся.

КУНИГУНДА.

Друг дорогой! Вы сами?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не мешайте!

Пустите! Вам портрет сам принесу я.

КУНИГУНДА.

Помедлите минуту, — я клянусь вам,
Она сейчас придет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сказал, пустите!

Я знаю стол, и зеркало, и гвоздик,
Она не знает; отыщу все это,
Картину мелом с маслом на холсте,
Желанье сердца вашего исполню.
(Четверо слуг приносят пожарную лестницу).

Так! Лестницу сюда!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что спереди, оглядываясь).

Эй, вы там, сзади!

ВТОРОЙ СЛУГА

(графу).

Куда?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

К открытому окну.

СЛУГИ

(ставя лестницу).

О-хо!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что впереди).

Возьми назад, вы, сзади там! Куда вы!
Длинна ведь лестница!

ДРУГИЕ СЛУГИ

(что сзади).

Сшибайте раму!

Так! Переплет окна долой! Вот так!

ФЛАММБЕРГ
(помогая).

Вот, лестница устоялась прочно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(отбрасывая свой меч).

Так, хорошо!

КУНИГУНДА
Возлюбленный! Послушай!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вернусь я тотчас!

(Ставит одну ногу на лестницу).

ФЛАММБЕРГ
(вскрикивает).

Стой! Творец небесный!

КУНИГУНДА.

(в испуге бежит от лестницы).

Что это?

СЛУГИ.

Замок рушится! Назад!

ВСЕ.

Все — прах и пепел там! Спаситель мира!

(Дом рушится. Граф фон Штраль отворачивается и обеими руками сжимает голову. Все, кто на сцене, отступают назад, и так же отвертываются).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Кетхен быстро входит, со свертком бумаги, через большой портал, который уцелел; за нею херувим в облиии юноши, светом облеченный, светлокудрый, с крыльями за плечами и пальмового ветвью в руке).

КЕТХЕН

(выйдя из портала, тотчас поворачивается к херувиму и повергается перед ним).

От бед храни меня, посол небесный!

(Херувим касается ее головы пальмового ветвью и исчезает).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без херувима.

КУНИГУНДА

(оглядевшись вокруг себя).

О, бог живой, клянуся, как во сне я!

Мой друг! Взгляните!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не обращая на нее внимания).

Фламберг!

КУНИГУНДА.

Братья! Тети!

Послушайте же, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отталкивая ее).

Ну, ну! Прошу вас!

КУНИГУНДА.

Безумец! Соляным столпом вы стали?

Все счастливо сошло.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отвернувшись).

Я безутешен!

Нет больше в мире красоты. Оставьте.

ФЛАММБЕРГ

(слугам).

Скорее, братцы!

СЛУГА.

Топоры, лопаты!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Обшарим мусор, не жива ль она.

КУНИГУНДА

(резко).

О, бородатые глупцы! Девица,

По вашему, в пожаре пеплом стала,

А вот лежит она, свежа, здорова,

Закрывши рот, хихикая в передник.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).

Где?

КУНИГУНДА.

Здесь!

ФЛАММБЕРГ.

Скажите! Это невозможно.

ТЕТКИ.

Девушка?..

ВСЕ.

Боже! Там она! Смотрите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(подходит к ней и смотрит на нее).

Над ней бог с его небесной ратью!

(Поднимает ее с земли).

Где ты прошла?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин мой.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Здесь дом стоял, ведь так — и ты была там.

Иль нет?

ФЛАММБЕРГ.

Где ты была, когда он рухнул?

КЕТХЕН.

Не знаю, право, что со мною было.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да и картина с ней еще.

(Берет сверток из ее рук).

КУНИГУНДА

(бросается к ней)

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь.

(Кунигунда бледнеет).

Так? Ведь картина здесь? Конечно!

ТЕТКИ.

Дивно!

Кто дал тебе? Скажи!

КУНИГУНДА

(бьет ее свертком по щеке).

Какая дура!

Я про футляр ей разве не сказала?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Однако, признаюсь я, правый боже...
Футляр вам нужен?

КУНИГУНДА.

Больше ничего!
На нем вы надписали ваше имя;
Он дорог мне, я это ей внушала.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну, если только...

КУНИГУНДА.

Да? Вы не согласны?
Об этом мне судить, никак не вам!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

От вашей доброты немею, фрейлейн.

КУНИГУНДА

(к Кетхен).

Зачем ты вынимала из футляра?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Зачем ты вынула, дитя?

КЕТХЕН.

Портрет?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да!

КЕТХЕН.

Не вынимала я, мой господин!
Когда я стол открыла, он лежал,
Полуразвернутый, с футляром рядом.

КУНИГУНДА.

Прочь! — Обезьянья рожа!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кунигунда!

КЕТХЕН.

Так надо было мне сперва обратно
Его в футляр?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет, нет, голубка Кетхен!
Хвалю тебя, ты сделала, что надо.
Могла ль ты знать значение футляра?

КУНИГУНДА.

Сам чорт водил ее рукой!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Не бойся!

Не так ведь зла уж фрейлейн. Отойди!

КЕТХЕН.

Хоть ты не бей меня, о, господин мой!

(Идет к Фламмбергу и в глубине сцены скрывается среди слуг).

СЕМНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Те же и господа фон Турнек).

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК

Победа, господа! Наш враг отбит!

Бежит рейнграф, — он в голову поранен!

ФЛАММБЕРГ.

Бежит он?

НАРОД

Слава! Слава!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

На коней!

Добраться б нам скорей до водопада,

И там мы шайку перехватим всю!

(Все уходят).

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Местность в горах у порожистого ручья с мостом.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграфом Штейн, верхом на коне, столпою пехотинцев, переходит мост. Его преследует граф фон Штраль, верхом на коне; вскоре за ним рыцарь Фламберг со слугами и спешенными всадниками. Наконец Готшалк также на коне, возле него Кетхен.

РЕЙНГРАФ

(своим пехотинцам).

За мост, дети, за мост! Этот Веттер фом Штраль громыхает там за нами, словно его ураган несет; нам надо свалить мост, или мы все погибнем.

(Мчится через мост. Слуги рейнграфа следуют за ним).

Ломайте мост!

(Разрушают мост).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(появляется на сцене, торопя своего коня).

Прочь! Не смейте портить перехода!

СЛУГИ РЕЙНГРАФА

(пуская в него стрелы).

Эй! Эти стрелы — тебе ответ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поворачивая коня).

Подлые убийцы! — Эй! Фламберг!

КЕТХЕН

(поднимая сверток).

Мой высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(Фламберг).

Стрелков сюда!

РЕЙНГРАФ
(кричит через ручей).

До свидания, граф! Можете плыть, так плывите; в Штейн-
бурге, по эту сторону моста, вы нас найдете.

(Скрывается вместе со своим отрядом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Благодарю вас, господа! Буду за ручьем, так навещу вас!
(Подъезжает к ручью).

СЛУГА
(из его отряда).

Стой! Чорт побери! Берегитесь!

КЕТХЕН
(оставаясь на берегу).

Граф фом Штраль!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Тащите сюда бревна и доски!

ФЛАММБЕРГ.

Что! Или ты — жид?

ВСЕ.

В брод! в брод!

(Идут за ним).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Гоните их, гоните! Это — ручей, где форелям водиться, не
широк и не глубок! Правильно! Правильно! Мы в куски изрубим
эту сволочь!

(Уходит со своими войнами).

КЕТХЕН.

Граф фом Штраль! Граф фом Штраль!

ГОТШАЛЬК
(на коне, повертываясь к ней).

Ну, что ты шумишь и кричишь? Что ты тут ищешь в этой
свалке? Чего ты бежишь за нами?

КЕТХЕН
(держась за ствол дерева).

О, небо!

ГОТШАЛЬК
(сходя с коня).

Иди! Опяшься и садись на коня. Я поведу коня в поводу
и перевезу тебя.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ
(за сценою).

*

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас! Что прикажете?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Мне нужно мое копье!

ГОТШАЛЬК

(держа стремя д л я Кетхен).

Я несу его.

КЕТХЕН.

Конь боится.

ГОТШАЛЬК

(дергая лошадь за уздцы).

Стой, волчья сыть!

(Обращаясь к Кетхен).

Так сними башмаки и чулки!

КЕТХЕН

(садится на камень).

Сейчас.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас! Я уже несу копье!

(К Кетхен).

Что это у тебя тут в руке?

КЕТХЕН

(снимая обувь).

Футляр, милый, что вчера... вот!

ГОТШАЛЬК.

Что? Тот, что остался в огне?

КЕТХЕН.

Тот самый! За который меня бранили! Сегодня рано утром я поискала в мусоре, и соизволением божьим... вот так!

(Срывает с ноги чулок).

ГОТШАЛЬК.

Ну, что за чорт!

(Берет футляр у нее из рук).

И целехонек, клянусь честью, как-будто это камень! Что в нем?

КЕТХЕН.

Не знаю.

ГОТШАЛЬК

(вынимает из футляра о д и н лист).

„Акты, относящиеся к дарению Штауфена графом фон Штраль“, — ну, проклятая!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшалк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас!

КЕТХЕН

(встает).

Вот я готова.

ГОТШАЛЬК.

Ну, ты должна отдать это графу.

(Отдает ей футляр).

Пойдем, — дай мне руку и ступай за мною!

(Ведет ее и коня через ручей).

КЕТХЕН

(едва вступив в воду).

Ай!

ГОТШАЛЬК.

Надо тебе немного подобрать платье.

КЕТХЕН.

Нет, ради бога, не надо!

(Останавливается).

ГОТШАЛЬК.

Только по колено, Кетхен!

КЕТХЕН.

Нет! Я лучше найду себе другую дорогу.

(Возвращается).

ГОТШАЛЬК

(задерживая ее).

Только до лодыжки, дитя! До наружного края ступни!

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет, нет; я сейчас приду к тебе.

(Освобождается и убегает).

ГОТШАЛЬК

(выходит из ручья на берег я кричит ей вслед).

Кетхен! Кетхен! Я отвернусь! Я закрою глаза! Кетхен! На целые мили кругом не найти другой дороги! Эх, хоть бы у нее

пояс разорвался! Бежит вдоль берега, к источнику, к белым крутым вершинам гор; клянусь душою, если не сжалится над нею какой-нибудь паромщик, так она погибнет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк! Небо и земля! Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Ну, и горланит же! — Здесь, милостивый господин; я же иду.
(Ворча переводит через ручей своего коня).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. Место, густо заросшее деревьями, у наружной полуразрушенной стены. Спереди куст бузины, образующий подобие естественной беседки, под которою — ложе из камней, покрытое соломенною цыновкою. На ветвях видны рубашка, пара чулок и т. п., развешенные для сушки.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен спит под бузиною. Подходит граф фон Штраль. Потом голос Готшалька.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет футляр на груди).

Готшальк, подавая мне футляр, сказал, что Кетхен опять здесь. Кунигунда только-что вступила, так как ее замок сторел, в ворота моего замка; тогда подходит он и говорит: „Она опять лежит под бузиною и спит“, и просил меня со слезами на глазах, чтобы я позволил ему взять ее в сарай. Я сказал, — пока не явится старик-отец, я пристрою ее в гостинице. Вот и пробрался я вниз, чтобы исполнить это намерение. Не могу я больше видеть эту скорбь. Эта девушка, которой суждено было бы осчастливить лучшего швабского бюргера, — хотел бы я знать, почему я осужден всюду водить ее за собою, как блудницу; хотел бы я знать, зачем она тащится за мною, как собака, через огонь и воду, за мною, нищим, у которого нет ничего, кроме герба на щите. Это не одно только симпатическое влечение сердца; это — некое, преисподнею воспламененное, безумие, которое заводит свою игру в ее груди. Сколько раз я ее спрашивал: Кетхен! Отчего же ты так испугалась, когда впервые увидела меня в Гейльбронне? — и всегда она глядела на меня рассеянно и отвечала: „Что вы, достопочтенный господин! Вы же это знаете!“

(Замечает ее).

Вот она! Воистину, когда я вижу как она лежит вот так, с румяными щеками и сложив ручки, мною совершенно овладевает ощущение женской прелести и заставляет меня проливать слезы. Умереть мне сейчас, если она не простила мне хлыст, —

ах, да что я говорю! — если она не уснула, молясь за меня, а я так дурно обращался с нею! Однако, живее, а то придет Готшальк и помешает мне. Он мне рассказал о трех ее свойствах: во-первых, что она спит, как сурок; во-вторых, что она вечно видит сны, как охотничья собака, и в третьих, что она говорит во сне; и на этих трех особенностях ее построю я свой опыт. Если это — грех, да простит мне его бог!

(Становится на колени рядом с Кетхен и возлагает на нее руки. Кетхен делает движение, словно сейчас вот проснется, но затем снова успокаивается).

Ты спишь ли, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И все-таки твои сомкнуты веки.

КЕТХЕН.

Сомкнуты?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, и, кажется мне, крепко.

КЕТХЕН.

Ах, что ты!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Иль ты глаза открыла?

КЕТХЕН.

Так широко, мой милый, как умею.

Ведь вижу я, как на коне сидишь ты.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

На рыжем, — да?

КЕТХЕН.

Да нет! Ты — на гнедом.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Мое сердечко, где же ты, скажи мне!

КЕТХЕН.

Я на лугу зеленом и прекрасном.

Он весь в цветах, и как от них пестро!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ах, незабудки! Ах, ромашки!

КЕТХЕН.

Здесь же

Фиалки; погляди-ка, целый куст!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сойти сейчас с коня хочу я, Кетхен,

И посидеть с тобою на траве.

Позволишь?

КЕТХЕН.

Да, мой господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(точно зовет)

Эй, Готшалк!

Где мне коня оставить? — Готшалк, где ты?

КЕТХЕН.

Оставь ее. Ведь „Лиза" не уйдет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(улыбаясь).

Пусть так и будет.

(Пауза. Он звенит оружием).

Миленькая Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты предана мне, Кетхен?

КЕТХЕН.

От всей души.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А обо мне что скажешь?

Я — нет?

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Хитрец!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Хитрец? Надеюсь...

КЕТХЕН.

Полно!

Ведь ты в меня, как майский жук, влюбился.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как жук! Мне кажется...

КЕТХЕН.

Что ты сказал?

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(со вздохом).

У этой веры прочные устои!
Пусть так! Я подчинюсь. — Однако, Кетхен,
Когда все так, как ты сказала...

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что же выйдет из того?

КЕТХЕН.

Что выйдет?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Подумай!

КЕТХЕН.

Знаю я.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что это значит?

КЕТХЕН.

На пасхе той возьмешь меня ты замуж.

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(подавляя смех).

Ого! Возьму! Неужли? Я не знал!
Послушай, кто тебе сказал об этом?

КЕТХЕН.

Об этом мне сказала Марианна.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так, Марианна! Ну! — Да кто ж она?

КЕТХЕН.

Та девушка, что служит в нашем доме.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну что же, от кого она узнала?

КЕТХЕН.

На олове увидела, гадая
На счастье мне в ночь Сильвестра тайно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что говоришь ты? Предвещала, что же?

КЕТХЕН.

Меня возьмет прекрасный, стройный рыцарь.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И ты решила просто: это — я?

КЕТХЕН.

Да, господин.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(тронутый).

Я думаю иначе,

Дитя, ведь это — кто-нибудь другой.

Вот, рыцарь Фламберг. Иль иной. Что скажешь?

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет?

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но почему же?

КЕТХЕН.

В ту ночь, когда над оловом гадали,

Пошла я спать и помолилась богу,

Чтоб, если Марианна не ошиблась,

Он показал мне рыцаря во сне;

И ведь тогда мне в полночь ты явился,

Такой же, как тебя сейчас я вижу,

Приветствовать меня, свою невесту.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

К тебе?.. Сердечко, ничего не знаю.

Когда же я к тебе?..

КЕТХЕН.

Да в ночь Сильвестра.

Опять она придет, — два года минет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Где ж это было? В замке Штраль?

КЕТХЕН.

В Гейльбронне;

В каморке, где стоит моя кровать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Ты бредишь, милое дитя. Лежал я,
Притом больной смертельно, в замке Штраль.
(Пауза).

КЕТХЕН

(вздыхает, шевелится и шепчет что-то)

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что шепчешь ты?

КЕТХЕН.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты!

КЕТХЕН.

Нет, ничего.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(про себя).

Чудно, клянуся небом! В ночь Сильвестра...

(Поник головою, вспоминая)

Ну, расскажи же мне об этом, Кетхен!

Один пришел я?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто ж был со мной?

КЕТХЕН.

Поди ты!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Говори же!

КЕТХЕН.

Ты ничего не помнишь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Нет, клянуся.

КЕТХЕН.

Был херувим с тобою, господин мой,

Белее снега крылья за плечами,

А свет — о господи! — сиял! горел!

И за руку тебя ко мне подвел он

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(смотрит на нее неподвижным взглядом).

Как ясен свет небесных кушей, ясно,
Что это — правда!

КЕТХЕН.

Да, мой господин.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сдавленным голосом).

На скромной там лежала ты подушке,
На бедой простыне, под красным одеялом?

КЕТХЕН.

Все верно! Так!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

В одной сорочке легкой?

КЕТХЕН.

В сорочке? Нет.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Как? Нет?

КЕТХЕН.

В сорочке легкой?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Клянусь, тот сон, как он, и мне приснился,
Стоит, как и тогда, в душе сегодня.

(к Кетхен).

„Марьянна“, ты звала?

КЕТХЕН.

Звала: Марьянна!

Скорее! Девушки! Ко мне! Христина!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Взглянула на меня, глаза раскрыв широко?

КЕТХЕН.

Я думала, что это — сон.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Тихонько встала

С своей постели и, дрожа всем телом,
К моим ногам упала?..

КЕТХЕН.

И шептала...

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(перебивает).

И прошептала: славный господин мой!

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Ну вот, ты видишь?.. Ангел показал...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пятно. Храни нас бог! И у тебя?..

КЕТХЕН.

Конечно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(снимая с нее косынку).

Где? На шее?

КЕТХЕН

(отодвигаясь).

Нет, не надо.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

О ты, предвечный! — И когда я тронул
Твой подбородок, чтоб взглянуть в лицо?..

КЕТХЕН.

Тогда пришла злосчастная Марьянна
Со светом, — мигом все исчезло;
Лежала я в рубашке на полу,
А Марианна надо мной смеялась.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Спаси меня, господь! Я раздвоился!
Я духом стал и по ночам блуждаю.
(Оставляет ее и выпрямляется)

КЕТХЕН

(просыпаясь).

Владыко господи! Да что ж со мною?

(Встает и оглядывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что сном казалось, истина нагая:
Больной смертельно, в замке Штраль лежал я
Бессильный, в нервной лихорадке; ангел
Меня увел, и посетил ее
Мой дух в ее камерке, там, в Гейльбронне!

КЕТХЕН.

О небо! Граф!

(Надевает на себя шляпу и оправляет косынку).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что ж теперь мне делать?

(Пауза).

КЕТХЕН

(падая на колени).

Мой господин высокий, здесь лежу я
У ног твоих и жду твоих решений!
Меня нашел ты под стеною замка,
Что было мне запрещено тобою;
Клянусь, я отдохнуть хотела часик,
А вот сейчас опять пойду я дальше.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Увы! Мой дух, чудесным светом ослепленный,
Колеблется безумием ужасным;
Как мне постигнуть это возвешенье,
Сребристо вновь отдавшееся в слухе,
Что император мой — ее отец?

ГОТШАЛЬК

(за сценою).

Эй, Кетхен! Девочка!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(быстро поднимая ее с земли).

Вставай скорее!

Поправь платок! На что это похоже?

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит Готшалк. Те же.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пришел ты кстати, Готшалк! Ты просил,
Чтоб я позволил взять ее в конюшню;
Я думаю, девице там не место;
Графиня в замке примет Фридеборн.

ГОТШАЛЬК.

Как? Что? Куда? Наверх, к графине, в замок?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да, сейчас! Сбери ее все вещи,
Неси за нею по тропинке к замку!

ГОТШАЛЬК.

Господень гром! — Ты слышишь это, Кетхен?

КЕТХЕН

(с изысканным поклоном).

Мой повелитель! Принимаю это,
Пока не буду знать, где мой отец.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, да! Искать его немедля стану.
(Готшалк связывает ее вещи. Кетхен помогает ему).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, что? Готово?
(Поднимает с земли платок и подает ей).

КЕТХЕН

(краснея).

Ах, зачем же это?

(Готшалк берет в руки узел ее вещей).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Дай руку мне!

КЕТХЕН.

Мой славный повелитель!

(Граффонштраль проводит ее через камни; миновав их, пропускает ее
вперед и идет за нею. Все уходят).

Перемена сцены: сад. В глубине грот в готическом стиле.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Кунигунда, с головы до ног закутанная в огнецветное покрывало,
и Розалия).

КУНИГУНДА.

Куда поехал граф фом Штраль?

РОЗАЛИЯ.

Фрейлейн, это всем в замке непостижимо. Три император-
ские комиссара явились поздно ночью и разбудили его; он заперся
с ними, и сегодня на рассвете вскочил на коня, и исчез.

КУНИГУНДА.

Отвори мне грот.

РОЗАЛИЯ.

Он уже отворен.

КУНИГУНДА.

Рыцарь Фламберг, слышала я, ухаживает за тобою; в полдень, когда я выкупаюсь и оденусь, я спрошу тебя, что обозначает это приключение.

(Уходит в грот).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Элеонора входит. Розалия.

ЭЛЕОНОРА.

Здравствуй, Розалия.

РОЗАЛИЯ

Здравствуйте, фрейлейн! Что вас привело сюда так рано?

ЭЛЕОНОРА.

О, так жарко, что я хочу выкупаться в этом гроте с Кетхен, с маленькою, золотою гостью, которую граф привел к нам в замок.

РОЗАЛИЯ.

Простите! Фрейлейн Кунигунда в гроте.

ЭЛЕОНОРА.

Фрейлейн Кунигунда? — Кто дал вам ключ?

РОЗАЛИЯ.

Ключ? — Грот был отворен.

ЭЛЕОНОРА.

Вы не нашли там Кетхен?

РОЗАЛИЯ.

Нет, фрейлейн. Никого.

ЭЛЕОНОРА.

Ну вот, Кетхен там, жизнью клянусь.

РОЗАЛИЯ.

В гроте? Не может быть.

ЭЛЕОНОРА.

Верно! В соседней камерке, где темно и уютно. — Она прошла вперед; когда мы дошли до ворот, я только сказала, что велю принести от графини простыню, чтобы вытираться. — О, владыка живота моего, вот она!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен выходит из грота. Те же.

РОЗАЛИЯ
(про себя).

О небо! Что это?

КЕТХЕН
(дрожа).
Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Ну, что же Кетхен? Ты уж искупалась?
Как разгорелась девушка, смотрите!
Как лебедь, выплывающий из синих
Кристалльных волн озерных, грудью наземь.
Какая свежесть в юном теле, правда?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.
Что с тобою?

РОЗАЛИЯ
(бледная от страха).

Откуда ты сюда пришла? Из грота?
Ты в коридоре спряталась там?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора! Умоляю!

КУНИГУНДА
(из грота).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.
Сейчас!
(К Кетхен).

Смотрела ты?

ЭЛЕОНОРА.

Бледнеешь? Что с тобой?

КЕТХЕН
(падая на ее руки).

Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Спаси, господь! Дитя! Да что случилось?

КУНИГУНДА

(в гроте).

Розалия!

РОЗАЛИЯ

(к Кетхен).

Ей-богу, лучше б вырвать
Тебе глаза, чтоб языку они
Не вверили того, на что смотрели!
(Уходит в грот).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Кетхен и Элеонора

ЭЛЕОНОРА.

Что, дитяtko, случилось? Побранили?
Ну, отчего ты так дрожишь всем телом?
Когда б тебе в том доме смерть явилась
С косою, с песочными часами, ужас
Так люто грудь твою не охватил бы!

КЕТХЕН

Скажу тебе...

(Не может говорить)

ЭЛЕОНОРА

Я слушаю. Скажи!

КЕТХЕН.

Клянись, что никогда ты, Леонора,
Кому б то ни было, о том не скажешь.

ЭЛЕОНОРА.

Нет, ни одной душе; нет! Будь спокойна.

КЕТХЕН.

Так слушай, — в боковое помещенье
Чрез потайную дверь пробралась я;
Светло казалось мне под сводом пышным.
И вот, меня купанье освежило,
В тот большой грот вошла я шаловливо,
И думала, что это ты плескалась;
И, словно бы возникшую из чаши,
Вдруг вижу...

ЭЛЕОНОРА

Что? Кого?

КЕТХЕН.

Да как скажу я?
 Должна ты будешь тотчас, Леонора,
 Уведомить об этом деле графа.

ЭЛЕОНОРА.

Дитя! Коль я должна, так что же это?

КЕТХЕН.

Но не сказать ему, нет, ради бога,
 Что от меня. Ты слышишь? А иначе
 Пусть никогда той мерзости не знает.

ЭЛЕОНОРА.

Что за загадки, миленькая Кетхен?
 Какая мерзость? Что ты увидала?

КЕТХЕН.

Ах, Леонора, чувствую я, лучше,
 Чтоб слово за уста не выходило!
 Не я, не я обман пред ним открою!

ЭЛЕОНОРА.

Но почему? Зачем скрывать от графа?
 Когда ты скажешь...

КЕТХЕН

(оглядываясь).

Слушай!

ЭЛЕОНОРА.

Что?

КЕТХЕН.

Идут!

ЭЛЕОНОРА.

Там фрейлейн и Розалия, и только.

КЕТХЕН.

Уйдем!

ЭЛЕОНОРА.

Зачем?

КЕТХЕН.

Безумная, скорее!

ЭЛЕОНОРА.

Куда?

КЕТХЕН.

Из сада этого мне надо...

ЭЛЕОНОРА.

Да ты в уме ли?

КЕТХЕН.

Друг мой, Леонора!

Погибну, если здесь меня застанет!

Скорей! Спасись мне только у графини!

(Уходят).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда и Розалия выходят из грота.

КУНИГУНДА

(дает Розалии ключ).

Возьми! Под зеркалом моим ты выдвинь ящик;
Там порошок в коробке черной, справа;
Вмешай в вино, иль в молоко, иль в воду,
Скажи: вот выпей, Кетхен! — Или лучше
Ее к себе посадишь на колени?
Яд, смерть и мечь! Как хочешь, сделай это,
Но позаботься, чтобы проглотила.

РОЗАЛИЯ.

Но, фрейлейн, слушайте...

КУНИГУНДА.

Яд, мор! Истленье!

Зажми ей рот, не говоря ни слова.
Когда в гробу, зарытая, истлевши
И обратившись в прах, как мирта стебель,
О том, что видела, ветрам прошепчет,—
Ты скажешь мне: есть кротость и прощенье
Закон и долг, и бог, и ад, и дьявол,
Раскаянье и совести укусы.

РОЗАЛИЯ.

Уж видела она, к чему же это!

КУНИГУНДА.

Яд! Пепел! Ночь! Смятение и хаос!
Достанет порошок пожрать весь замок,
Собак и кошек! — Делай, что велела!
Она к нему сумела вкрасться в сердце,
Уж я узнала. Смертью пусть умру я,
Коль не пленен он обезьяньей рожей;
Долой! Он от нее в угаре: тесно
На свете с нею наконец мне стало!

(Уходят).

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Вормс. Открытое место перед императорским замком, в сторону трона; в глубине — огражденное поле божьего суда.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Император на троне. По сторонам его архиепископ вормсский, граф Отто фон дер Флюэ и многие другие рыцари, господа и стражи. Граф фон Штраль в легком шлеме и панцире и Теобальд, с головы до ног в полном доспехе; оба стоят перед троном.

ИМПЕРАТОР.

Граф Веттерштраль, три месяца назад
В твоём пути через Гейльбронн нашел ты
Дорогу к сердцу деви неразумной.
От старика отца она сбежала,
А ты её не шлешь домой, скрывая
Во флигеле наследственного замка.
Чтоб приукрасить это злодеянье,
Ты распускаешь слух смешной, безбожный,
Что херувим, к тебе явившись ночью,
Открыл, что дева, взятая тобою,
От нашей царской ласки родилась.
Такой пророческой нелепой вести
Смеюсь я, разумеется; по мне,
Хоть увенчай её, коли захочешь;
Но в Швабии, пойми, ей нет наследства,
И двор мой в Вормсе ей далек пребудет.
Но удрученный человек стоит здесь,—
Ты, дочерью его не удоволяясь,
И мать винить затеял в неупотребстве;
Всю жизнь считал её себе он верной,
Себя ж отцом он видит злополучным.
По горькой жалобе его зовем мы
Тебя пред наш престол, чтоб доказал ты

То, чем ее могилу ты позоришь;
 Ну, друг небесных сил, готовься к бою,—
 Затем, что в поединке словом стали
 Твой приговор тебе поведен будет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (краснея от негодования)

Мой августейший повелитель! Меч мой
 Со мною, мощен, крепок, сталью блещет,
 И дьявола в бою сразить годится;
 Я б угодил в седое это темя,
 Я б разможил его как сыр швейцарский,
 Который на доску бродить положен.
 Уволь меня по милости великой
 От доказательства той сумасбродной,
 Нелепой сказки, праздным остроумьем
 В народе сложенной из двух событий,
 Сошедшихся, конечно, очень странно
 Одно с другим, как половинки перстня.
 Прошу тебя, твоя да примет милость
 Тот случай в ночь Сильвестра лишь за образ
 Горячечного бреда, и, как мало
 Я огорчусь, когда меня сочтешь ты
 Жидом презренным, ты не огорчайся,
 Что дочь его признал я дерзновенно
 За дочь твою, мой славный император!

АРХИЕПИСКОП.

По правде, государь, такое слово
 Отважный дух истца смирить должно бы.
 Вещаний тайных об его супруге
 Не повторяет граф; что Марианне
 Недавно насказал в беседе тайной,
 Он это все теперь опровергает.
 Не покарай его за чудеса,
 Которые его на миг смутили.
 Он час тому назад, о Теобальд,
 Мне руку дал, что возвратит девицу
 Тебе, когда придешь ты в замок Штраль;
 Иди туда, утешься, и возьми
 Ее, старик, и кончи дело миром.

ТЕОБАЛЬД

Проклятый льстец, как отрицать ты смеешь,
 Что вся душа, от маковки до пяток,
 В тебе полна той верою, что Кетхен—
 Дитя от императорского ложа?

Забыл ты день, когда под кровлей церкви
 Допытывался об ее рождении
 И вычислял ее зачатья час;
 Как доискался, в сметливости гнусной,
 Что за шестнадцать весен был проездом
 Его величество у нас в Гейльбронне?
 Наглец, рожденный поцелуем бога,
 Напечатленным на устах мегеры;
 Обвитый блеском дух отцеубийства,
 Колеблющий гранитные устои,
 Чтобы разрушить вечный храм природы;
 Тебя, сын ада, ныне добрый меч мой
 Изобличит, иль сам я буду ввергнут
 Его возвратным взмахом в ночь могилы!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Сам бог тебя осудит, ядом полный
 Гонитель мой; тебя не оскорбил я,
 И твоего достоин сожаленья,—
 Да будет, забияка, как ты хочешь.
 Тот херувим, что, блеском облеченный,
 Мне, при смерти больному, в ночь явился,
 Поведал мне — я отрицать не стану—
 Из горних недр почерпнутую весть
 Перед лицом всевышнего я ныне
 Стою и утверждаю, слушай это:
 Своей зовешь ты Кетхен из Гейльбронна,
 Она — дочь императора; иди же
 Сюда, чтоб убедить меня в противном!

ИМПЕРАТОР.

Играете, трубачи, на смерть лжецу!
 (Громкие трубные звуки).

ТЕОБАЛЬД
(подходит).

И если бы мой меч был стеблем гибким
 И к рукоятке верткой и непрочной,
 Из воска желтого слитой, прикреплен,
 Я с головы до ног тебя рассек бы,
 Как мухомор, на пустоши возросший,
 Чтоб миру доказать, злодей, что лжешь ты!

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(снимает меч и отдает его).

Пусть будут шлем мой и под ним чело
 Прозрачны, ломки, и ножу тупому

Податливы как яйцо пустое,
 И все же твой палаш, что искры мечет,
 Отскочит, раздробившись на осколки,
 Как-будто угодил по диаманту,
 Да знают все, что говорил я правду.
 Ударь, дай видеть мне, чье дело чисто!
 (Снимает шлем, и подходит вплоть к Теобальду).

ТЕОБАЛЬД
 (отступая).

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (преследуя его).

Ударь!

ТЕОБАЛЬД.

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (повергая его на землю).

Один мой взор тебя уж обессилил?

(Вырывает меч из его рук, переступает через него, и ставит ногу на его грудь)

Что б помешало мне, во гневе правой
 Победы, мозг твой растоптать? — Живи!
 (Бросает меч перед императорским тронном).

Пускай же время, старый сфинкс, укажет
 Тебе, что Кетхен все же, как сказал я,
 Высокого величества дитя!

НАРОД
 (в смятении).

О небо! Победил граф Веттерштраль!

ИМПЕРАТОР
 (бледнеет и встает).

Уйдите, господа!

АРХИЕПИСКОП.
 Куда?

РЫЦАРЬ
 (из свиты).

Что там?

ГРАФ ОТТО.

Всесильный бог! Что с государем случилось?
 За ним, друзья! Мне кажется, он болен!
 (Уходят)

Перемена сцены: там же. Комната в императорском замке.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ИМПЕРАТОР

(оборачивается в дверях)

Прочь! Никто не должен итти за мною! Позовите бургграфа фон Фрейбург и рыцаря фон Вальдштеттен: только с этими господами я буду говорить.

(Захлопывает дверь).

Ангел божий, возвестивший графу фон Штраль, что Кетхен — моя дочь, я верю, клянусь моею императорскою честью, прав! Девушке, как, я слышал, пятнадцать лет; а ровно шестнадцать лет без трех месяцев тому назад давал я большой турнир в Гейльбронне в честь пфальцграфини, моей сестры! Было около одиннадцати часов вечера, и светло-блестящий Юпитер только-что поднялся на востоке, когда я, очень утомленный танцами, вышел из замковых ворот, чтобы в смежном саду, оставаясь неузнанным, развлечься среди народа, который наполнял сад; и вот эта самая звезда, нежная и мощная, сияла, ничуть я в том не сомневаюсь, над ее зачатием. Гертруда, как часто вспоминал я, звалась та, с которою в той части сада, что меньше посещалась народом, я беседовал при мерцании погасающих ламп, при тихом веянии, в благоухании лип, звуков музыки из далекого танцевального зала; и мать Кетхен звалась Гертруда! Помню, когда она расплакалась, я снял с груди медаль с изображением папы Льва и на память ей от меня, которого она тоже не знала, засунул эту медаль за ее корсет; а такая медаль, как я тоже узнал, принадлежит Кетхен из Гейльбронна! О небо! Колеблются связи мира! Если граф фон Штраль, этот доверчивый избранник, сумеет освободиться от блудницы, с которою он связался, то я поведаю истину Теобальду и постараюсь побудить его, под каким бы то ни было предлогом, чтобы он уступил мне эту девицу, и она должна повенчаться с графом: я не дерзну ждать, чтобы херувим второй раз спустился на землю и разгласил все тайное, что я здесь поведал четырем стенам!

(Уходит).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Бургграф фон Фрейбург и Георг фон Вальдштеттен входят. Вслед за ними рыцарь Фламберг.

Господин бургграф фон Фрейбург? Вы ли это или ваш дух? О, подождите, умоляю вас!

ФРЕЙБУРГ
(оборачиваясь).

Чего ты хочешь?

ГЕОРГ.

Кого ты ищешь?

ФЛАММБЕРГ.

Моего достойного сожаления господина, графа фон Штраль! Фрейлейн Кунигунда, его невеста, — о, если бы мы никогда не отбивали ее от вас! — вздумала подкупить повара, чтобы он подал яд Кетхен, — яд, почтенные господа, и притом по такому отвратительному, непонятному и загадочному поводу, будто бы это дитя подсматривала за нею в купальне.

ФРЕЙБУРГ.

И это вам непонятно?

ФЛАММБЕРГ.

Нет!

ФРЕЙБУРГ.

Так я вам это скажу. Она — мозаичная работа, составленная из всех трех царств природы. Ее зубы принадлежат одной мюнхенской девушке; ее волосы выписаны из Франции, свежесть ее щек происходит из рудников Венгрии, и станом, которым вы в ней восхищаетесь, она обязана сорочке, изготовленной для нее из шведской стали кузнецом.

ФЛАММБЕРГ.

Что ж это такое?

ФРЕЙБУРГ.

Поклон от меня твоему господину!

(Уходит).

ГЕОРГ.

И от меня! — Граф уже возвращается в Штральбург; скажи ему, — если он возьмет ключ и застанет ее утром, когда ее прелести еще лежат на стульях, то, пожалуй, он сам обратится в статую, и пусть ее выставят у хижины угольщика, чтобы увековечить его геройский подвиг.

(Уходит).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. Кунигундина комната.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Розалия хлопчет около Кунигундина туалета. Входит Кунигунда, только - что вставшая с постели, не нарумяненная. Вскоре затем граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(сядась перед туалетом).

О двери позаботилась?

РОЗАЛИЯ.

Замкнула.

КУНИГУНДА.

Замкнула? Как? На что ж тогда задвижка?

Замкнуть, и на задвижку, каждый раз!

(Розалия и д е т задвинуть дверь; навстречу ей входит граф фон Штраль).

РОЗАЛИЯ

(испуганная).

О боже! Как вы, граф, сюда попали?

Ах, фрейлейн!

КУНИГУНДА

(оглядываясь).

Кто?

РОЗАЛИЯ.

Взгляните же!

КУНИГУНДА.

Розалия!

(Быстро поднимается и уходит).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль и Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стоит, как пораженный громом).

Кто та неведомая дама?

РОЗАЛИЯ.

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что как пизанская прошла здесь башня?

Надеюсь, не?..

РОЗАЛИЯ.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фрейлейн Кунигунда?

РОЗАЛИЯ.

Я думаю, вы шутите, ей богу!
Сибилла, мачеха моя...

КУНИГУНДА
(изнутри).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.

В постели фрейлейн, и зовет меня...
Простите, если я...

(Приносит стул).

Угодно сесть вам?

(Берет принадлежности туалета и уходит).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(подавленный).

О, небо всемогущее, моя
Душа так называться недостойна!
Та мера, чем на рынке мира мерил
Я вещи — неверна, и злую мерзость
За нежное величие я принял!
Чудовище, столь гнусное душою
И телом, я так слепо избрал в жены!
Куда, презренный, от себя я скроюсь?
Где б в Швабии гроза ни бушевала,
Я в бешенстве вскочил бы на коня,
Искать топор, что голову разрубит!
Что делать, сердце, мне? Куда мне деться?

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Кунигунда, в обычном своем блеске, Розалия и старая
С и б и л л а , слабая, на костылях; она сейчас же и уходит через среднюю
дверь. Граф фом Штраль.

КУНИГУНДА.

Граф Фридрих, вот как! Что ж тому причиной,
Что вы ко мне приходите так рано?

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ
(внимательно следя за Сибиллой).

Двоятся, что ли, ведьмы?

КУНИГУНДА
(оглядываясь).

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая с обою).

Простите!

Узнать хотел я о здоровья вашем.

КУНИГУНДА.

Ну что ж, все приготовлено к венчанию?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(подходя ближе и внимательно глядя на нее).
Недурно все, до главного, проходит...

КУНИГУНДА
(отступая).

Какой же день назначен?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Был — на завтра.

КУНИГУНДА
(после паузы).

Давно уж мною страстно жданный день!
Но радости, веселья в вас не вижу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(кланяясь).

Позвольте! Я счастливей всех на свете!

РОЗАЛИЯ
(печально).

А правда ль, что вчера малютка Кетхен,
Что приютили в замке вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О дьявол!

КУНИГУНДА
(обеспокоенная).

Что с вами?

РОЗАЛИЯ
(про себя).

Чорт возьми!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая с обою).

Удел людской!

Ее перенесли уж на кладбище.

КУНИГУНДА

Что слышу я!

РОЗАЛИЯ.

Еще не хоронили?

КУНИГУНДА.

Хочу еще в гробу ее увидеть.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит слуга. Те же.

СЛУГА

Готшалк прислал гонца к вам, господин
В передней он, и видеть вас желает.

КУНИГУНДА

Готшалк?

РОЗАЛИЯ.

Откуда?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Думаю, от гроба.

Прошу вас продолжать убранство ваше!

(Уходит).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

К у н и г у н д а и Р о з а л и я .

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Помочь нельзя; он знает; все напрасно.
Он видел все, покончено со мною!

РОЗАЛИЯ.

Не знает!

КУНИГУНДА.

Знает!

РОЗАЛИЯ.

Ничего не знает!

Вы стонете, а я плясать готова.
Обманут он, и думает, что та,
Кого он видел, мать моя, Сибилла;
И никогда счастливей не был случай,
Чем тот, что к вам как-раз она пришла;
Для умыванья вам набравши снегу
В горах, она сюда поспела кстати.

КУНИГУНДА.

Как взором он меня пытливо мерил!

РОЗАЛИЯ.

Так что ж! Своим глазам он не поверит!
 Мне весело, как белке на сосне.
 Пусть издали мелькнуло в нем сомненье;
 Высокой, дивно-стройной вы явились,
 И вновь совсем сомнение разбито.
 Пусть смертью я умру, когда перчатку
 Не бросит он тому, кто усомнится,
 Что вы среди всех женщин — королева.
 Не падайте же духом! Одевайтесь, —
 И утро вас, во что б ни стало, встретит
 Графиней Кунигундой Веттерштраль!

КУНИГУНДА.

Ах, под землей бы лучше мне сокрыться!

(Уходит).

Перемена сцены: внутренность пещеры с видом на долину.

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен, переодетая, сидит печально на камне, прислонившись головою к стене. Входят граф Отто фон дер Флюэ, Венцель фон Нахтгейм, Ганс фон Беренкляу, в одеянии императорских государственных советников, и Готшальк. Свита. Наконец император и Теобальд, которые остаются в глубине сцены, закутавшись в плащи.

ГРАФ ОТТО

(сосвiticком пергамента в руке).

Девушка из Гейльбронна! Почему ты
 Живешь, как ястреб, в этом логовище?

КЕТХЕН

(встает).

О боже, кто вы?

ГОТШАЛЬК.

Не пугайте Кетхен!

От покушенья вражья на убийство
 Пришлось укрыть ее нам в эту гору.

ГРАФ ОТТО.

А где твой господин, имперский граф?

КЕТХЕН.

Не знаю этого!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас придет он!

ГРАФ ОТТО

(дает ей пергамент).

Его величество, наш император,
Писанье шлет тебе; возьми его.
Иди за мной; не это место, дева,
По сану твоему тебя достойно;
Отныне замок в Вормсе — твой приют!

ИМПЕРАТОР

(в глубине сцены).

О, милый сердцу образ!

ТЕОБАЛЬД.

Суший ангел!

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит граф фон Штраль. Те же.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(изумленный).

Сенат из Вормса, в праздничном убранстве!

ГРАФ ОТТО.

Привет вам, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что привело сюда вас?

ГРАФ ОТТО.

Письмо от императора к девице!

Ее спросите; вам она ответит.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что бьешься, сердце?

(К Кетхен).

Что, дитя, ты держишь?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин.

ГОТШАЛЬК.

Дай, дай, сердечко.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(читает).

„Внушило небо сердцу моему,
Узнайте все, изречь признанья слово,
Что уступил права свои на Кетхен

Мне мастер оружейный Теобальд;
Отныне Кетхен — дочь моя; ей впредь
Именоваться Катариной Швабской".

(Перелистывает другие бумаги).

И здесь: „Да ведают“, — здесь: „Замок Швабах“

(Короткая пауза).

Во прах паду перед благословенной,
К ее ногам приникну, их омою
Слезами благодарности горячей!

КЕТХЕН

(садится).

Готшалк, поближе, помоги, мне дурно!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(советникам).

Где император? Где же Теобальд?

ИМПЕРАТОР

(сбрасывая плащ так же, как и Теобальд).

Вот здесь они!

КЕТХЕН

(встает).

Всевышний бог! Отец мой!

(Спешит к нему; он обнимает ее).

ГОТШАЛЬК

(про себя).

Сам император! Право! Вот стоит он!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Божественный! Как мне тебя назвать?

Я верно ли прочел?

ИМПЕРАТОР.

Бог видит — верно!

С ней дружен херувим, так император

Гордится тем, что он — ее отец!

От бога шло давно, чтоб Кетхен стала

Высоко в мире; кто ее желает,

Меня о ней просить достойно должен.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(склоняя перед ним колени).

Прошу я на коленях: дай ее мне!

ИМПЕРАТОР.

Ну, что ты вздумал, граф?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Дай, дай ее мне!
Иначе для чего б ты делал это?

ИМПЕРАТОР.

Ты думаешь? — Лишь смерть дается даром,
А я условие ставлю.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Говори же!

ИМПЕРАТОР

(строго)

В свой дом отца прими.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Смеешься ты?

ИМПЕРАТОР.

Что? Ты отказываешься?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Охотно!

От всей души беру его к себе.

ИМПЕРАТОР

(Теобальду).

Старик, ты слышишь?

ТЕОБАЛЬД

(подводя к нему Кетхен за руку).

Дай ему ее!

Что бог связал, то не развяжут люди.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(встает и берет Кетхен за руку).

Теперь ты создаешь мое блаженство!
Один лишь поцелуй, отцы, позвольте
Найти мне на устах небесно-сладких.
Имей я десять жизней, завтра утром
Их каждому из вас отдам, ликуя!

ИМПЕРАТОР.

Уйдем! Пусть он ей объяснит загадку!

(Уходят).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.
Граф фон Штраль и Кетхен.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(садится рядом с Кетхен и берет ее руку).
Приди ко мне, о девушка! о Кетхен!
Мои уста тебе доверят что-то.

КЕТХЕН.
Мой господин высокий! Что же это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.
Дитя сладчайшее, скажу сначала,
Что я с моей любовью несказанной
Тебе душою всей навеки предан.
Олень, полдненным зноем истомленный,
Рогами острыми взрывая землю,
Все ж с меньшей алчностью стремится
В лесной поток низвергнуться с утеса,
В бушующий, чем ныне жажду я
Всей прелести твоей, едва расцветшей.

КЕТХЕН
(покраснев от стыда).
Не понимаю. Господи! Да что ты?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.
Прости, что часто оскорблял я словом
Тебя обидным; грубыми и злыми
Повадками тебе я делал больно.
Подумаю ль, как холодно когда-то
Я отвергал тебя, а ныне все же
Ты предо мной полна любви и ласки,
Такая грусть меня объемлет, Кетхен,
Что слез моих я удержать не в силах.
(Плачет).

КЕТХЕН
(робко).
О небо! Что с тобой? Чем ты взволнован?
Что ты мне сделал? Ничего не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.
За мной бежала ты, изранив ноги,
О девушка, но золотом и шелком
Я облеку их, только солнце встанет.
Ту голову, что солнце на дорогах
За мною жгло, я осенью наметом.

Арабский лучший конь в злаченой сбруе
Тебе, сладчайшее дитя, послужит,
Когда помчусь на звук рогов я в поле.
И там, где чиж гнездо себе устроил,
Щебечущий в кустах бузины, будет
Тебе приют для знойных дней построен,
И в светлые, просторные покои,
О, Кетхен, я вернусь тебя приветить.

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Обожаемый! Но что же
Об этой речи думать мне? Ты хочешь?..
Ты говоришь?..

(Хочет поцеловать его руку).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отводя руку).

Нет, нет, моя услада.

(Целует ее в лоб).

КЕТХЕН.

Нет?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет. Прости. Пусть это будет завтра...
Но что же я хотел сказать? — Да, правда,
Я об одной прошу тебя услуге.

(Оттирает слезы).

КЕТХЕН

(боязливо).

Услуге? О какой же? Только молви!..

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Конечно. Так. — М о ю я правлю свадьбу,
Ты знаешь, завтра. Все уже готово
Для торжества; начнется ровно в полдень
С моей невестой выход к алтарю.
Вот праздник, милая, себе готовлю,
В котором ты изобразишь богиню.
Велит любовь к тому, кому ты служишь,
Тебе на завтра снять вот это платье
И заменить его убором пышным,—
Он матерью тебе уже обряжен.
Ты это сделаешь?

КЕТХЕН

(закрывая глаза передником).

Да, да, так будет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Красив он, слышишь? Скромн, но роскошен!
 Точь-в-точь подходит к телу и к осанке.
 Тебе дадут и перлы, и смарагды;
 Хотел бы я, чтобы всех женщин в замке,
 И даже Кунигунду, ты затмила.—
 Что плачешь ты?

КЕХТЕН.

Не знаю, господин мой.

Мне что-то в глаз попало.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

В глаз? Куда?

(Поцелуем осушает ее слезы на глазах).

Теперь пойдем. Все скоро будет ясно.

(Уводит ее).

Перемена сцены: двор замка; направо спереди портал. Налево, более в глубь,
 замок за решеткою. В глубине церковь.

ТРИДАЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Марш. Выход. Герольд открывает его; за ним стража. Балдахин, несомый четырьмя арапами. Посредине двора стоят император, граф фон Штраль, Теобальд Фридеборн, граф Отто фон дер Флюэ, рейнграф фом Штейн, бургграф Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и остальная свита императора и встречают балдахин. Под порталом справа фрейлейн Кунигунда фон Турнек в брачном наряде, со своими тетками и двоюродными братьями, чтобы присоединиться к шествию. На заднем плане народ, среди него Фламберг, Готшалк, Розалия и другие

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Станьте здесь с балдахином. Герольд, исполний свою обязанность.

ГЕРОЛЬД

(читает).

„Известно и ведомо да будет по сему всем и каждому, что имперский граф Фридрих Веттер фон Штраль сегодня празднует свое бракосочетание с Катариною, принцессою Швабскою, дочерью нашего светлейшего повелителя и императора. Да благословит небо высокую чету и да изольет на их дражайшие головы из рога изобилия все счастье, в небесах парящее!“

КУНИГУНДА

(Розалии).

Взбесился этот человек, Розалия?

РОЗАЛИЯ.

Клянусь небом! Если с ним и не так, то это нарочно сделано, чтобы с нами так случилось.

ФРЕЙБУРГ.

Где невеста?

РЫЦАРЬ ФОНТУРНЕК.

Здесь, достопочтенные господа.

ФРЕЙБУРГ.

Где?

ТУРНЕК.

Здесь стоит невеста, наша сестра, под этим порталом!

ФРЕЙБУРГ.

Мы ищем невесту графа фон Штраль. Господа, приступим к нашему делу! Следуйте за мною и приведем ее сюда.
(Бургграф фон Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и рейнграф фон Штейн поднимаются к решетке и уходят в замок).

ГОСПОДА ФОНТУРНЕК.

Ад, смерть и дьявол! Что обозначают эти приготовления?

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен в императорском подвенечном уборе, ведомая графиней Еленой и фрейлейн Эленорою; ее шлейф несут трое пажей; за ней бургграф фон Фрейбург и другие сходят из-за решетки во двор.

ГРАФ ОТТО.

Радуйся, о дева!

РЫЦАРЬ ФЛАММБЕРГ и ГОТШАЛЬК.

Радуйся, Кетхен из Гейльбронна, имперская принцесса Швабская.

НАРОД.

Радуйся! Ликуй! Радуйся!

ХЕРНШТАДТ и ФОН ДЕР БАРТ
(которые оставались на площади).

Это невеста?

ФРЕЙБУРГ.

Это она.

КЕТХЕН.

Я? Высокие господа! Чья?

ИМПЕРАТОР.

Того, кого тебе сосватал херувим. Хочешь ты обменяться с ним этим кольцом?

ТЕОБАЛЬД.

Хочешь ты отдать графу свою руку?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(обнимая ее)

Кетхен! Невеста моя! Хочешь ли ты меня?

КЕТХЕН

Защитите меня, бог и все святые!

(Пошатнулась; графиня поддерживает ее).

ИМПЕРАТОР

Хорошо, так возьмите же ее, господин граф фон Штраль, и ведите ее в церковь!

(Колокольный звон).

КУНИГУНДА.

Чума, смерть и месть! Вы поплатитесь мне за это поношение!

(Уходит со своими).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, отравительница, бог отмщает!

Вот, Кетхен, весь я — твой; возьми меня,

Жена избранная, мой нежный ландыш!

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Господин мой!

(Радостно).

Мой супруг!

НАРОД.

Ликуй и радуйся, невеста Кетхен!

(Марш. Император становится вместе с Кетхен и графом фон Штраль под балдахин; дамы и рыцари следуют за ними. Стража заключает шествие. Трубы и литавры. Все уходит).

Перевел с немецкого

Федор Сологуб

К о н е ц .